

На взлет идут

Олег ТАРУГИН
Алексей ИВАКИН

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Со Второй Мировой – на
Первую Галактическую

Алексей Геннадьевич Ивакин

Олег Таругин

**На взлет идут штрафные
батальоны. Со Второй Мировой
– на Первую Галактическую**
Серия «Штрафбат в космосе», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2814625

*На взлет идут штрафные батальоны. Со Второй Мировой – на
Первую Галактическую / Олег Таругин, Алексей Ивакин.: Яуза: Эксмо;*

Москва; 2011

ISBN 978-5-699-48013-5

Аннотация

Полночь, XXIII век. Человечество атаковано враждебной инопланетной расой. Разучившись воевать за три столетия мира, будучи не в состоянии защитить родную планету, земляне призывают на помощь фронтовиков из прошлого, самых умелых, отчаянных и беспощадных бойцов в человеческой истории – офицерский штрафбат Красной Армии, павший смертью храбрых триста лет назад, а теперь воскрешенный, чтобы вновь «искупать вину кровью».

С Великой Отечественной – на Звездные войны! Со Второй Мировой – на Первую Галактическую! Из 1944 года – в открытый космос! На взлет идут штрафные батальоны!

Содержание

От авторов	5
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	37
Интерлюдия	46
Глава 3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Олег Тарутин,
Алексей Ивакин**

**На взлет идут штрафные
батальоны. Со Второй
Мировой – на Первую
Галактическую**

От авторов

Огромная благодарность за неоценимую помощь в правке и редактуре текста, а также в написании отдельных эпизодов – (aka MilesV).

Авторы выражают глубокую признательность за помощь Александру Шуракову, Сергею Акимову, Александру Кулькину, основателю форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru) Алексею Махрову и всем его постоянным участникам.

Пролог

Земля, 2297 год

Северная осень... За ночь пожелтевшая трава покрывается сединой инея. Под ногами – едва слышный хруст. Трава не мнется, она ломается. Ярко-рыжие березки прячутся в мрачноватой зелени елей. Морозный воздух кристально чист. Окружающий мир будто облит хрусталем, и кажется, что и он тоже вот-вот зазвенит.

Андрэ Евгеньевич даже головой потряс: в ухе и впрямь зазвенело.

Он был обычным пенсионером, получавшим две пенсии – минимальную социальную от государства, и частную – от компании, на которую когда-то работал. Небольшая рента в одну сотую процента от добычи полезных ископаемых на обследованных им планетах вполне позволяла купить особнячок на Южных Морях. Или даже квартиру в одном из мегаполисов, таких, как Новая Одесса, Большой Нью-Йорк, МегаМосква или даже – страшно сказать – Иль-де-Франс. Однако Андрэ Евгеньевич не любил людей. Нет, вовсе не из скверности характера, неуживчивости или асоциальности – просто привык к одиночеству за долгие годы, проведенные

на безлюдных, только что терраформированных планетах, где он проводил по заданию компании углубленную геологоразведку.

Поэтому и купил себе дом в Старой Вятке, районе, почти примыкавшем к МегаМоскве. Но почти, как говорится, не считается. Впрочем, и на самом деле не так и далеко. Сел на флаер, и через пятнадцать минут ты в самом центре Нижегородского района исполинского мегаполиса. Еще с полчаса – и уже гуляешь по Арбату. К чему жить в суете городов, если расстояния в XXIII столетии давно стали понятием относительным?..

А тут ходи, гуляй по лесу, сколько душе угодно. Строительство нового жилья за линией Волги в сторону Урала давным-давно запрещено по экологическим соображениям. Лёгкие планеты, тайга-матушка... Может быть, поэтому здесь, в Старой Вятке, и людей жило так мало. Главным образом, любители старины, предпочитавшие нью-барокко конца XXI века постпостмодерну середины века XXIII.

Да что ж так в ухе-то звенит?!

Жили тут в основном старики, которые прикипели душой к Северу. Здесь, мол, родились, здесь, мол, и помрем. Встречалась, правда, и молодежь. Тоже любители старины. Некоторые экстремалы даже умудрялись реконструировать древние строения с газовым, а то и вовсе угольным отоплением. Правда, после первой же зимы не выдерживали и переселялись в нормальные дома. Сам Андрэ Евгеньевич жил в

особняке, по легендам принадлежавшем одному из губернаторов аж середины XXI столетия. Ночами он любил бродить по этажам, из комнаты в комнату, пытаясь представить, как тут раньше жили люди. Забавно, наверное, жили...

А еще пенсионер любил выбираться в лес за грибами. Конечно, для каждой вылазки приходилось получать разрешение специальной комиссии и платить немалый экологический сбор, но... Что делать? Страшно представить, что произойдет, если все вдруг ломанутся на природу. Впрочем, эти прогулки стоили потраченных денег. Ну, какая технология сможет воссоздать этот воздух, пропитанный запахом грибов, прелой листвы и сосен? Нет, скопировать-то, конечно, сможет, но понимание того, что все вокруг НАСТОЯЩЕЕ, разом перечеркивает все изыски виртуальной реальности. Да и сама Вятка ему нравилась. Городок небольшой, всего каких-то три миллиона жителей. Древняя архитектура во многом сохранилась, опять же. Особенно Андрэ нравилось бродить вокруг гигантов-двенадцатиэтажек Здания угрюмо наваливались на прохожего, одновременно стремясь к небу. Окольцованные пластфальтом, без малейшего намека на зелень, они безмолвно рассказывали о человеке прошлого. Стремящемся к небу и звездам. О человеке, презревшем бытовой уют ради мечты. Это сейчас люди закапываются в землю, расплзаются по ней вширь, а тогда... Тогда!

Иногда Евгеньевич завидовал предкам из XX и XXI веков. Они жертвовали всем. А мы? Мы-то что? Открываем

планеты? Зачем? Чтобы их распахать, разрыть и утилизировать. И в конечном итоге – попросту наполнить желудок...

Андрэ со вздохом отбросил ногой ветку, сверкнувшую льдом на утреннем солнце.

Звон в ушах неожиданно усилился. Усилился и превратился в свист. Старый геологоразведчик поднял голову и обомлел. Розовое утреннее небо прорезали десятки белых полос. Именно так и выглядят инверсионные следы спасательных капсул или десантных челноков, сбрасываемых находящимся на орбите кораблем.

Ломая заиндевелые ветки кустов, пенсионер побежал в сторону берега реки, откуда открывался прекраснейший вид на Старую Вятку. Хруст веток заглушали глухие взрывы, доносящиеся со стороны города. А когда выскочил, увидел багровый, с огненными прожилками-всполохами, туман, лениво расползающийся над домами.

Андрэ Евгеньевич машинально глянул на часы. Ровно четыре часа пятнадцать минут. Пенсионер бросился к своему старенькому флаеру, но добежать не успел. За спиной что-то рухнуло и взорвалось. Тело, подкинутое волной горячего воздуха, пролетело несколько метров и ударилось о ствол могучей сосны, изломанной куклой сползая на желтую осеннюю траву...

Глава 1

Земля, 2297 год, немногим ранее

– Интересно, сколько им от Плутона до нас переть? – Крупеников задумчиво глядел, как его корпус – ну да, теперь уже именно корпус, а не батальон! – спешно грузится в вызванные по экстренной связи многоместные пассажирские гравилеты. Времени на пеший переход в казармы не оставалось – иди, знай, как оно там будет. Впрочем, посадка протекала вполне штатно, без толчеи и бестолковой суетливости. Никто не паниковал и, страшно сказать, даже не задавал ненужных вопросов. Кое-чему добровольцы все же успели научиться. Жаль, немногому...

– Понятия не имею, – Харченко аккуратно притоптал окурок и хлопнул товарища по наплечнику боевого костюма. – Вернемся в расположение, напряжем ученых мужей, у них под это дело мозги получше нашего заточены. А для нас с тобой астронавигация, сам понимаешь, «на два валенка правее во-он той звезды», не более.

– Да уж, – хмыкнул майор. – Слушай, Серег, сам как считаешь, это совпадение, или нас именно *вычислили*?

– Смешной вопрос, майор, – фыркнул особист. – Тут и

ежу понятно, что вычислили. Только, ты кого под «ними» подразумеваешь?

– Да уж, конечно, не ящериц, – усмехнулся в ответ комбат. – Ты, кстати, с пленными закончил?

– Нет еще, Финкельштейн со своими психологическими опытами мне всю малину поломал. Но, думаю, еще денек, и выложат все, что знают, падлы. У них, понимаешь ли, очень уж мощный психоблок в мозгу установлен, как раз на случай попадания в плен и допроса. Спецы говорят, начнем грубо ломать – просто отдадут себе приказ умереть, и амба.

– Умрут?!

– Угу. То ли сердце остановится, то ли с мозгами чего-то там случится. Вот потому мы обоих красавцев сразу же в гипносон и запихнули. И сейчас гипнопсихологи чего-то там с их разумом делают, чтобы этот самый блок обойти и нейтрализовать. А уж там и мы подключимся. Честно тебе скажу, Виталь, руки аж до локтя чешутся с этими субчиками *по-нашему* поговорить. Как с пленным полицаем или эсэсманом. Расколю в пару часов, гадам буду!

– Будешь, будешь, – рассеянно буркнул Крупенников, провожая взглядом предпоследний транспортник. – Все, пошли и мы грузиться. Меня сейчас, честно говоря, куда больше интересует, сколько у нас времени до прибытия гостей. Успеем подготовиться?

– Постараемся, – пожал плечами Харченко. – А вот насчет расстановки приоритетов? Категорически с тобой не согла-

сен, майор, прямо-таки категорически! Главное сейчас как раз понять, что за дружба такая трогательная между нашими «языками» и крокодилами, пусть даже последние и искусственно ими же и выведены. И что за цель у них, кроме как «собачек» своих человечинкой накормить. Поймем – значит, разберемся, где у них самое уязвимое место. И куда нам со всей пролетарской ответственностью и прочей славянской дурью ударить. Так вломить, чтобы уж раз и навсегда!..

– Думаешь?

– Уверен. Ладно, пошли, вон Лаптев уже всю шею стер, головой ворочая да нас высматривая...

* * *

Военный городок, в который как-то постепенно и незаметно превратилась за последние месяцы огромная территория Института хронологии МАН, напоминал разворошенный муравейник. По территории, почти исключительно бегом, перемещались офицеры штурмбата и бывшие добровольцы, ныне автоматически и досрочно получившие статус полноправных бойцов. Оружейники зашивались, принимая выданное накануне «испытания ящером» огнестрельное оружие и выдавая взамен штатное плазменное или электромагнитное.

Штаб тоже стоял на ушах, требуя у Автарка срочно перебросить в распоряжение корпуса тяжелую технику со стра-

тегических складов, с которой, увы, они так и не успели познакомиться в реале, – те самые оснащенные гравитаторами танки, многоствольные системы залпового огня и тактические ракетные установки. Офицеры батальона теоретически овладели этой техникой еще во время гипнообучения, но так и не видели ее, кроме как на голофото или видеороликах, оставшихся еще с давних времен. Маурья обещал сделать все возможное, задействовав любые доступные ему ресурсы, однако сам, похоже, пребывал в некой прострации от всего случившегося, весьма вяло реагируя даже на рычание Крупенникова и мат особиста.

Ученые из отдела астронавтики и контроля за космическим пространством ничем порадовать офицеров не смогли. При условии наличия на борту нейтрализаторов инерции и достаточно мощных гравикомпенсаторов, способных погасить чудовищное ускорение, современные гравитационные двигатели вполне могли доставить вражеские корабли к Земле за каких-то несколько дней. Максимальным названным сроком была неделя-полторы, и то, надо признать, с натяжкой.

Защититься же, войди агрессоры в околоземное пространство, было практически нечем. Построенные еще в XXII веке орбитальные системы обороны демонтировали практически сразу после Объединения, когда выяснилось, что воевать человечество больше ни с кем не планирует, а их эффективность в качестве противоастероидного щита край-

не невысока. Мобильные пространственные комплексы, способные обнаруживать и расстреливать опасные метеориты или астероиды задолго до того, как они войдут в карантинную зону планеты, оказались куда более эффективными и надежными. И вот тут Крупенникова с Харченко ждал сюрприз. Да такой, что поначалу оба в буквальном смысле уронили челюсти ниже пояса, а затем разразились отборным матом, какого уже не одно столетие не слышала благословенная Эйкумена...

Выяснилось, что одним из штатных средств ПМА – противометеоритной и астероидной защиты – правда, давно уже не используемым из-за невысокой эффективности и дороговизны, являются ракеты, несущие на борту ни много ни мало ядерный заряд номинальной мощностью от пяти до десяти килотонн в стандартном эквиваленте! Потомки просто не могли себе представить, что ракету с ядерной боеголовкой можно использовать в качестве оружия, хотя ее конструкция, даже без каких-либо изменений, вполне позволила бы нанести удар, как по космическому объекту, так и по поверхности планеты. Или использовать саму боеголовку в качестве импровизированной мины, установив встроенный таймер на нужное время. На складах, ныне относящихся к ведомству пространственной защиты Эйкумены, хранился довольно впечатляющий запас боеголовок, порядка полутора тысяч.

Наматерившись всласть, майоры поглядели друг на друга

и вдруг поняли, что совершенно неожиданно получили в руки какой-никакой козырь. Правда, мощностъ зарядов отнюдь не предполагала тотальных орбитальных бомбардировок (да и с чего их проводить, ведь ни стратосферных, ни, тем паче, орбитальных бомбардировщиков не сохранилось), но и заполучить в пользование средство для нанесения супостату эдакого увесистого тумака, буде он появится в пределах досягаемости ПМА-ракет, представлялось отнюдь не лишним. Тем более, хранились боеголовки (из соображений экологической безопасности, разумеется) на орбитальных станциях, и установить их на носители не казалось особенно сложным делом. Со специалистами, способными в ближайшие сутки снарядить хотя бы десяток-другой ракет, конечно, ощущался определенный напруг, но и не решаемой проблема не выглядела. Было бы желание, как говорится. Ну и распоряжение Автарка, разумеется, куда ж без это го-то?

С последним определились в первую очередь, застращав и без того перепуганного Маурью подробностями грядущего катаклизма и выбив из него не только требуемое разрешение, но и право до ликвидации опасности принимать аналогичные решения самостоятельно, без его непосредственного участия. Посетовав на «веками возрождаемую экологию человеческой прародины», «таким трудом очищенное от мусора Ранней Космической Эры околоземное пространство» и «попрание основополагающих демократических институтов», он тем не менее безропотно согласился на все условия

Штаба обороны, по сути, временно передав ему всю власть в Солнечной системе. В ответ он получил не то дружеский совет, не то настоятельную рекомендацию как можно скорее убыть в правительственное укрытие, расположенное где-то в Альпах. Офицеры вздохнули куда как спокойней. Нет, грех сказать, Автарк им особенно не мешал, но и ощущать затылком чье бы то ни было испуганное дыхание надоело. Да и на убеждение Клауса в необходимости тех или иных радикальных мер тратилось время, пусть небольшое, но тратилось...

Первым, что сделал Штаб, избавившись от контроля Эйкуменского правителя (не полностью, разумеется, смешно даже предполагать, что он не будет знать обо всем происходящем!), это отдал распоряжение немедленно начать эвакуацию людей из всех мегаполисов и более-менее крупных городов Земли и Марса. Эвакуировать многочисленный персонал венерианских орбитальных заводов, научных и космографических станций было просто некуда.

Под эвакуацией подразумевалось вовсе не какое-то срежиссированное до секунды действие по организованному вывозу гражданских – угу, можно подумать, имелись другие! – из потенциально опасных районов, а рекомендация немедленно покинуть населенные пункты, имея при себе недельный запас провизии, и расположиться как можно дальше от них. Особенно указывалось на необходимость не разбивать больших палаточных городков или массовых стоянок, которые могли бы стать целями для атак противника. Конечно,

и Лаптев, и Крупенников с особистом прекрасно понимали, что все их воззвания – не более чем самоуспокоение, привыкшие к размеренной и сытой жизни эйкуменцы просто не переступят через себя и в основной массе останутся в городах несмотря на угрожающую перспективу. Инерция сознания и взлелеянный столетиями сытой жизни врожденный, уже почти что генетический, пофигизм не позволят. Но... наверное, это было нужно прежде всего им самим. Они *попытались*, и никто не посмеет их упрекнуть. Сил и средств на эвакуацию людей у них просто нет. Да и времени тоже. Возможно, удастся защитить Землю, отбросить ящеров, найти новые ниточки к их хозяевам-создателям. Но спасти население Марса и Венеры? Вряд ли...

Меж тем начало прибывать оружие, как со складов стратегического резерва, так и из многочисленных мастерских, еще совсем недавно занимающихся ремонтом атмосферных летательных аппаратов, ныне же перепрофилированных дальновидным Крупенниковым на модернизацию гражданских флаеров и гравилетов – установку на них модулей огневой поддержки. Именно так, «огневой поддержки», поскольку воздушных батальи не предвиделось. Нет, офицеры штурмбата со всей ответственностью отнеслись к сообщениям разведчиков о наличии у врага атмосферных истребителей, явно пилотируемых людьми (именно тогда, еще не зная о предстоящем вторжении, комбат и отдал подтвержденный Автарком приказ начать в ускоренном темпе снаряжать

гражданские флаеры оружиемными модулями), но времени на расконсервацию аналогичных летательных аппаратов и, главное, обучение пилотов уже не оставалось. Да и никакое гипнообучение не поможет за считанные дни подготовить классного боевого пилота-перехватчика. А терять необученных пилотов, делая из них отличные мишени для вражеских асов? Как уже было на *той* войне? Нет уж, увольте.

Приходилось надеяться, что исход вторжения решится на поверхности планеты, а не в воздухе, где у врага оказалось бы явное преимущество. В какой-то момент все это здорово напомнило Виталию лето сорок первого, однако он немедленно отогнал явно упаднические мысли, даже не поделившись по своему обыкновению с Харченко, с которым не на шутку сдружился за последнее время.

А потом настал день высадки.

Как водится, неожиданно.

Почти так же неожиданно, как некогда настало в прошлом раннее утро двадцать второго июня одна тысяча девятьсот сорок первого года...

Наблюдатели сообщили, что вражеский транспортник, не обращая особого внимания на робкие попытки противодействия наспех переделанных в патрульные «корветы» бывших спасателей, вышел на геопереходную орбиту планеты, собираясь в самом скором времени перейти на низкую опорную и начать высадку.

Получив данные, Виталий лишь выматерился, бросив-

шлись было в коридор, но на полпути вспомнил, что все остальные офицеры Штаба получили сведения одновременно с ним. Подтверждая это, в отъехавшую в сторону дверь заглянул Харченко:

– Уже слышал?

– Угу.

– А трассовку предполагаемой высадки смотрел?

– Чего?! – подобного термина Крупенников не помнил.

Впрочем, гипновнушение – такая штука, иногда вроде ровным счетом ничего и не помнишь, а чуть напряжешь память – и...

– Не мучайся, – криво ухмыльнулся Сергей. – Трассовка – это жаргон наших будугцан, означает рассчитанный компьютером курс посадочного средства при заходе...

– Да ладно, Серег, понял, – отмахнулся тот. – Ты ж не о том хотел сказать?

– Ага, не о том. Они не на нас идут, а вот сюда, – особист раскрыл индпланшет, показав пальцем на предполагаемый район высадки.

– Вятка?! – ахнул комбат, сверившись с выводимыми на экран данными. – А там-то им что нужно?!

– Если б мне знать, – мрачно пожал плечами Сергей. – Не знаю. Нестратегическое направление, ага. Судя по всему, они не собираются захватывать Нодессу, как, собственно, и ни один из других мегаполисов. Вот такие дела, комбат...

– Но... зачем?!

– Не знаю. Хотя и подозреваю, что от того, пойдем ли мы ход их крокодильих мыслей, многое зависит... А возможно, что и всё...

– Ладно, давай пока наши стратегические измышления отложим. Что предполагаешь делать?

– Да что делать? Нужно срочно перебрасывать войска, вот что. Личный состав можем хоть прямо сейчас отправить, а вот техника... С техникой сложнее, только ведь разгрузились, сам понимаешь. Думаю, с день прокантуемся, как минимум. Так что, Виталь, даешь добро?

– На что? – не понял в первый миг Крупенников.

– На боевую тревогу и прочую транспортную вакханалию?

– Даю, – поразмыслив пару секунд, кивнул комбат. – Лаптев в курсе?

– Еще нет, но это второй вопрос. Разберусь. Сейчас главное сработать на опережение. Не успеем, конечно, но тем не менее. Глядишь, плюс-минус, и выйдет чего путного...

– Тогда давай, – Виталий легонько сжал предплечье верного товарища. – Командуй, если нужно, то и от моего имени.

– Даю, – серьезно ответил особист, кивая. – Погнали, стало быть...

«И было утро.

И стало утро ночью.

Черный дым покрыл мир. Огонь тек по улицам.

Старинные дома и храмы оплавливались, словно свечи.

Наследники древних империй кричали, срывая с себя пылающие одежды.

Утренние звезды падали с неба и рассыпались на десятки смертоносных игл. И эти иглы втыкались в плоть земли. И выходила из этих игл Смерть. Равнодушная и жестокая. Безнадежная и последняя.

И шли они, подымаясь на холмы и спускаясь с них. Доспехи их были черными, а мечи поражали издали.

И плакали люди. Слезы их были жгучи. Молитвы – истовы.

И услышал их Господь. И сказал им: «День Суда пришел, ибо долго терпел я! Зло вы творили, и зло вернулось к вам! Не Я Судия, а вы себе! Но милостив Я и долготерпелив!»

И пришли архангелы.

Доспехи их были сияющи.

И мечи их были пламенны.

И вошли они в Последний Храм. И на лицах их была печаль и скорбь, скорбь и гнев. И преклонили они колени перед людьми.

Шел день седьмой. И люди вышли к Небу.

И увидели люди тела чудовищ. И увидели тела архангелов.

И сказали людям архангелы:

– Все, способные держать оружие...

И сопротивились мы извращенному против воли Его естеству своему, и взяли мечи ангельские в руки свои.

Шел день седьмой...»

Город горел.

Горел асфальт, горел бетон, горело стекло. Горели тела ящеров. Казалось, даже сам воздух горел. Казалось, жар чувствуется даже через бронескафандры с их встроенными системами терморегуляции.

К Крупенникову подбежал ординарец с неизменной фамилией Иванов:

– Товарищ майор! Там это, люди там! Живые!

– Где? – резко развернулся к ординарцу комбат.

– Да тут метров триста всего. Вот там, – Иванов махнул рукой в защитной перчатке в сторону церкви, обугленные стены которой держались, казалось, только чудом.

Командный пункт майор развернул на одном из высоких холмов бывшей Старой Вятки. Этот город в отличие от многих других действительно стоял на семи холмах. Изрядно помотавшийся перед тем по различным стратегическим складам начштаба Лаптев так и резюмировал, когда они прибыли на место:

– Я такое только в Сан-Франциско видел. Конечно, это не горы, но говорят, что именно тут самое большое количество лестниц.

– Что, и в Лхасе не так круто? Ты ж вроде там китайские стратегические запасы инспектировал?

– Восемнадцать километров, товарищ майор...

– Чё? – не понял Харченко.

– Восемнадцать километров лестниц, – пояснил начштаба.

– Надо же! – удивился Крупенников. – А сразу и не скажешь. Городишко как городишко, с виду ничего особенного!

– Между прочим, ящеры отлично бегают. Быстро, причем. Но – по ровной поверхности. Лапы у них не заточены под ступени, следовательно... – Лаптев машинально почесал шлем лазерным карандашом и, устыдившись своего жеста, смущенно закрепил его на планшете.

– Следовательно, это надо использовать, – рубанул Виталий.

– Хм... – встрял Харченко. – Иными словами, штаб у ящеров – никакой. Или?

Комбат повернулся к особисту:

– Договаривай.

Харченко переключился с многоканальной связи на закрытую двустороннюю:

– Виталь, я подумаю, а?

Крупенников, замерев на секунду, согласно кивнул. Как-то в их четверке сложилось... Впрочем, почему, собственно, «как-то»? Вполне себе в соответствии с должностными обязанностями. Комбат в основном занимался непосредственными проблемами батальона и приданного им Добровольческого Корпуса. Начштаба, как и положено, разрабатывал оперативные и тактические схемы. Яша Финкельштейн, взяв

в помощники отца Евгения, регулировал морально-психологическую атмосферу.

Поначалу Крупенников едва сдерживал улыбку, наблюдая за этой парочкой. Сибирский еврей, здоровяк и мастер спорта по боксу – и православный священник, невысокий, толстенный, коренастый. Общей у них была разве что природная кучерявость. И оба с утра до ночи не отходили от добровольцев ни на шаг. Один рассказывал об Отчизне и коммунистической идее, второй – о жертвенности и воздаянии.

По вечерам из их комнаты доносились крики, оры и споры. Переубедить никого никому не удавалось. Впрочем, это было и не важно. Главное, что они работали. И в умах добровольцев, будто патроны в обойму, постепенно укладывалась *главная мысль*.

– Это твоя Родина. Здесь твои предки, здесь твои дети. Защитить их – твоя судьба. И мертвых, и живых, и еще не родившихся, – проповедовал отец Евгений.

– Хочешь быть мясом для ящеров? Будь! Сдавай оружие! Лично прослежу, чтобы тебя на транспорт посадили и отправили к ним на планету. К ящерам, в смысле. Ну? Желание? – запальчиво кричал Финкельштейн.

– Ибо нет выше участи, чем погибнуть за други своя, – крестился священник.

– Как сказал товарищ Сталин, наше дело правое. Наше! А не чье-нибудь! – бросал фуражку на землю замполит.

Иногда Крупенникову казалось, что эту парочку слуша-

ются больше, чем его самого. Харченко же, как ни странно, совершенно не противился религиозной агитации.

– Лишь бы по ночам троцкизмом не баловались! – как-то пошутил он. И продолжил заниматься своим делом. Стратегическим. Особист. Что с него еще взять? Они, особисты, обучены думать на три шага вперед.

Именно Харченко и удивился первым: почему, мол, ящеры атаковали Старую Вятку? Никакой моральной или материальной ценности она не представляла. Подумаешь, полугородишко с тремя миллионами пенсионеров. Могли бы высадиться в Австралии. Мало того, климат способствует, так ведь и вся бывшая Большая Пустыня превращена в огромный энергетический комбинат на солнечных батареях. Половина Земли в энергетическом коллапсе оказалась бы, если б ящеры просто шарахнули с орбиты. Или атаковали тот же Большой Нью-Йорк. Или столицу Эйкумены – Иль-де-Франс. Старую Вятку-то зачем?

– Это все равно, как если б фюрер объявил своей целью захват деревни Малые Бздюли, что в Мухосранской области, – мрачно поделился своими мыслями Сергей, когда они сели в штабной гравилет, защищенный от обнаружения и атаки атмосферниками противника всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

Он был прав – что-то не стыковалось. Совсем не стыковалось. Но это пусть пока особист думает. А Крупенникову надо было сообразить, как выбить ящеров из этой самой Ста-

рой Вятки. Или из того, что от нее осталось.

Начало было нормальным. Добровольцы высадились в Котельническом, Слободском, Чепецком, Куменском и Орловском микрорайонах, чуть позже выгрузили технику и боеприпасы. Их задача была проста – постепенно отжать ящеров к реке Вятке. Отжать не спеша, излишне не геройствуя и не нарываясь. Сам же офицерский батальон высадился в самом сердце бойни, в центре города. Тем самым отряды ящеров рассекались на две части. Восточная их группировка замыкалась в тугой излучине реки, между Слободским и Кировым, центральным микрорайоном Старой Вятки. Западная – постепенно отжималась и рассеивалась в густых хвойных лесах, где методично избивалась с воздуха, спасибо прозорливому комбату, вовремя подсуетившемуся относительно перedelки флаеров и гравилетов в боевые машины. Командовал воздушной поддержкой комэск младший лейтенант Артемов, под руководством которого находилось полторы сотни добровольцев из числа пилотов орбитальных челноков и Космоспаса. Согласно разработанному штабом плану, авиагруппировка проводила массированную штурмовку лесов всем, способным хоть как-то гореть и взрываться, благо подобного смертоубийственного добра на складах обнаружилось премного, от доброго старого напалма до ракет и ОДАБ. В качестве козыря Крупенников держал в рукаве несколько спешно спущенных с орбиты накануне вторжения ПМА-ракет, однако надеялся, что до этого все ж не дойдет.

Нет, об экологии благословенной Эйкумены сейчас никто не думал, разве что укрывшийся в бункере Автарк, – не до за- претов, война, знаете ли! – но и превращать несколько тысяч квадратных километров леса в выжженную радиоактивным огнем пустошь не хотелось.

Впрочем, после обычных бомбардировок он тоже вряд ли сохранит первозданный вид...

Медленно, не спеша ящеров выдавливали из захваченных ими зданий и подвалов. Лапы те поднимать и не думали, отбивались, что было сил, но офицеры и добровольцы потерь практически не несли. Согласно приказу штаба обороны, сначала опорные пункты ящеров долбили тяжелым оружием, в два-три залпа установок РСЗО ровняя старинные здания с уровнем асфальта, затем, пока не развеивались густые дымно-пыльные облака, передавали под контроль воздушного прикрытия, благо их сканерам и системам наведения импровизированная дымовая завеса не мешала. На любое шевеление в развалинах «авиаторы» реагировали жестко и быстро, перемалывая ракетами все, что еще могло считаться укрытием.

И только потом шла пехота. Сначала офицеры штурмбата, затем добровольцы. На их долю, как водится, доставалась самая грязная работа – растаскивать остатки рептильных трупов, зачищать ненайденные ракетами укрытия, инспектировать воняющие сгоревшей взрывчаткой руины на предмет наличия-отсутствия живых...

А как же люди? Люди, которые жили до этого в старых, забытых Автарком кварталах? А людей не было. Вообще. Были трупы. Сгоревшие, разорванные, обглоданные. Живых не было. Тяжкий смрад висел над бывшим городом, смрад крови и горелой плоти. Человеческой плоти. И не только человеческой...

– Товарищ майор! – отвлек Крупенникова от созерцания в бинокль разрушаемого города капитан Лаптев.

– Что?

– Гора эта смешно называется...

– Какая гора, капитан? – не понял комбат.

– Да на которой стоим тут! Кикиморская гора она называется. Кикиморы тут жили, что ли? Смешно!

– Смешно, да. Очень. Самое время похихикать. Как там боевые группы? Какие сведения?

– Все идет по плану, товарищ майор, – успокоил командира начальник штаба. – Потерь практически нет, так – легкораненые, да и то, среди добровольцев. Наши все целы.

– Не нравится мне все это, – вздохнул Крупенников. – Слишком просто.

Он снова поднял к глазам бинокль, сменил настройки. Хорошая штука, блин! В сорок первый бы такой! Приближение до пяти километров, ночной режим, возможность авторегулировки, выделение разноцветными марками своих и чужих, на ближних расстояниях – возможно переключение на тепловизор. Рентген, а не бинокль!

Ладно, что там у нас? «А у нас» только что обрушилось под ударом нескольких двухсоттридцатимиллиметровых ракет очередное здание, вздымая клубы каменной пыли и дыма. Спустя пару минут в медленно расплзающемся и оседающем на замусоренный обломками асфальт близлежащих улиц облаке замелькали фигуры офицеров батальона, прочесывающих развалины метр за метром.

Вот зашевелился очередной оглушенный взрывом ящер, без труда раскидывая привалившие его бетонные обломки. Подбежавший боец, не останавливаясь, вскинул винтовку, выпалив «от бедра» из подствольника. Короткая, серией по три, очередь раскидала останки разумного – разумного ли? – ящера в радиусе пяти метров. Неподалеку приостановился на миг еще один боец в запорошенном кирпичной пылью безликом бронекombineзоне, вскинул к плечу штурм-винтовку, одиночным выстрелом успокоив еще одного, на сей раз заваленного по самую уродливую башку ящера. Бегущий следом десантник хлопнул товарища по наплечнику, указав направление движения, и, вытащив из разгрузки гранату, бросил цилиндрик ШОДа в примеченную щель между изломанными плитами обрушившихся перекрытий, где теоретически еще мог уцелеть кто-то из противников. Миг – и неподъемные с виду плиты дрогнули, приподнявшись, исторгли наружу клубы сизой пыли и каменного крошева и сложились, намертво запечатывая лаз. Молодцы, бойцы!

– Это какая рота там действует? – не оборачиваясь, бро-

сил Крупенников.

– 3-я, товарищ майор, – без запинки ответил Лаптев, продолжая помечать на электронном планшете продвижение штурмовых групп.

– Надо бы отметить вечером их. Хорошо работают.

– А у нас все хорошо работают, комбат, – ответил подошедший Харченко.

– Всех и отметим, – пробормотал Виталий, продолжая наблюдать за боем.

– Виталь! Ну, ты чисто Наполеон! – хихикнул особист, неожиданно запев себе под нос: – Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве! Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне – не остаться в этой траве. Пожелай мне удачи!

– Товарищ майор, что вы за хрень поете? – индифферентно поинтересовался начштаба, так и не оторвавшись от своих карт.

– Тебе не понять, мышь бумажная, – довольным голосом фыркнул особист. И продолжил уже другой песней, но, похоже, того же самого автора: – И две тысячи лет война, война без особых причин. Война дело молодых. Лекарство против морщин...

– Мля, Харченко! Не каркай, твою мать! – рявкнул Крупенников.

– Ну и ладно... – хитро глянув в спину комбата, пожал тот плечами. Но не удержался и добавил более тихим голосом: – Между землей и небом – война...

Крупенников, было, обернулся, но его прервал связист:

– Товарищ командир, Тюльпан-раз на связь вышел! Говорит, людей обнаружили! Живых!

– А ну-ка, дай связь на меня! – востроенулся тот, разом позабыв про особиста-меломана.

В наушниках шлема едва слышно щелкнуло:

– Слушаю, Тюльпан-раз! Садовник на связи!

– Садовник, тут гражданские. Много.

– Откуда? Сканер ничего не показывает. Тюльпан-раз проясните ситуацию.

– Сам понять не могу! Тут толпа ящеров во дворе, а за ними люди!

– Сколько? Видишь их?

– Никак нет, не вижу. Слышу?

– Тюльпан-раз! Повтори, не понял!

– Поют они чего-то. Разобрать не могу чего. Откуда – сам не понимаю.

– Где находишься?

– Вошли в монастырь, Садовник. На карте – А-7. Тут открытая площадь, несколько зданий рухнуло, завалы. В завалах крокодилы, ведут огонь. И песни поют!

– Крокодилы песни поют? Не понял!

– Люди поют, Садовник, люди! Лариса, Юра, Дмитрий, Алексей!

– Откуда люди, Тюльпан? Ничего не понимаю!

– Да не знаю я, товарищ майор!

– «Воздушку» надо?

– На Харьков, Ульяну, Йошкар-Олу «воздушку», не надо! Людей положим! Гражданских! Сами попытаемся справиться, товарищ майор!

– Давай, родной, давай, справляйся! И без дураков там! Отбой, – связь отключилась, и Крупенников зло повернулся к Лаптеву: – Какие люди? Откуда? Почему биосканеры ничего не показывают?

– Не могу знать, товарищ майор, – спокойно ответил Лаптев, продолжая водить светодиодным карандашом по монитору штабного планшет-компа. – Монастырь, говорите? Так, может быть, стены не дают просканировать. Вот помню, мы на Северо-Западном, под Холмом, в сорок втором тоже по церкви долбали – не то что «сорокапятки», даже семь-шесть и те пробить не могли. На совесть строили предки, не то что мы, криворукие.

– Харченко?

– Ну и?

– Бери своих ребят, сгоняем до этого монастыря, посмотрим, что к чему. Лаптев, оптимальный маршрут!

Начальник штаба удивленно приподнял голову, чуть повернув планшет в сторону Виталия:

– Так вот он, маршрут-то. И монастырь там же. Прямо под нами, в овраге!

Взглянув, Крупенников тихо матюгнулся. Действительно. Вот их штаб на этой самой Кикиморской горе. А вот этот са-

мый монастырь внизу. Он навел бинокль туда. Точно. Видно, как их бойцы ведут огонь по баррикаде, из-за которой десятков ящеров пытается отстреливаться. Иногда небезуспешно, и некоторые выстрелы достигают цели. Однако броня на бойцах хорошая, попадания вражеского оружия держит. Интересно, какой идиот послал этих зеленых крокодилов на операцию без тяжелого вооружения и техники? Или... его у них просто нет? Впрочем, какие же они зеленые? Вон как чешуя под солнцем переливается, даром что это самое солнце затянуто дымом пожаров. Крупенников внимательно следил за чужими, как иногда неофициально именовали офицеры противника после просмотра древнего фантастического фильма про членистозубых слизистых инопланетян, – комбату было интересно понаблюдать за тактикой и организацией ящеров. Ага! Вот, похоже, и кто-то вроде старшего. Рыкает чего-то, лапами больше всех во все стороны машет... Так...

– Харченко!

– Тучочки я, комбат! – особист тоже рассматривал поле боя сквозь свой бинокль.

– В твоём взводе охраны снайпер есть?

– Я ведь и обидеться могу! – выпятил нижнюю губу Харченко, не прерывая наблюдения.

– Видишь у них офицера?

– Кого?!

– Ну, типа, командира?

– Снять?

– Снимай!

– Белогубов! Прокурор! А ну ко мне по-быстрому, – заорал особист так, что у Крупенникова несмотря на встроенный в сенсорный шлем аудиобуфер заложило уши.

Комбат удивился:

– У тебя что, наш прокурор в снайперах ходит?

– А что такого? Кстати, неплохо стреляет, – ответил начальник особого отдела.

Прокурор Белогубов даже возмутился таким недоверием:

– Между прочим, я второе место на соревнованиях по стрельбе занял! Куда бить-то?

– погоди, а кто первое место занял?

– Ну, я... – покраснел Финкельштейн, дотоле сидевший со своим планшетом за спиной начальника штаба.

– Ай-яй-яй, товарищ майор, не следите вы за успехами личного состава! – не упустил возможность съязвить Харченко. – Сплошные перегибы на местах...

– Так... Оба... Вот того, крупного, видите? Возле входа в церковь? На корточках который сидит? Валите его! Кто первый завалит, тот... ну, молодец тот. Огонь!

Оба успели.

Рядовые ящерицы, увидев гибель старшего, несколько замешкались и тут же были наказаны шквальным огнем со всех сторон.

– Оба молодцы! А вот теперь... За мной! – скомандовал комбат.

Через несколько минут штабной взвод, исключая Лаптева с охраной, соединился с осаждавшей баррикаду штурмовой группой. Прыгая через наваленные как попало камни, двутавровые балки и какие-то обломки, из которых противник воздвиг импровизированную баррикаду, добились нескольких скулящих, ровно щенята, тяжелораненых ящеров. Пленных не было. Да, собственно, их никто и не собирался брать. И приказа не было, и вообще...

– Ну и где тут люди, Тюльпан? Или тебя белая горячка обуяла? – спросил тяжело дышащего комгруппы Крупенников, жестом показывая, чтобы тот отбросил защитный щиток шлема. – А, Махнов, разведка, помню. Герой дальнего космоса и добытчик пленных. Здорово...

Тот снял шлем, кивнул и вытер мокрый от пота лоб:

– Так точно, капитан Махнов. А насчет людей... Не слышите, разве?

Крупенников, пожав плечами, в свою очередь снял командирский шлем и прислушался. Точно.

Словно из-под земли доносилось странное, глухое пение. Слов разобрать он не смог.

– А капелла! – встрял особист.

– Ага, мычат откуда-то, – кивнул капитан.

– Ладно, посмотрим сейчас, кто там мычит, откуда и зачем. Лаптев, – он прижал к голове обруч приемопередатчика. – Ну, что там... вообще?

– Нормально, тащ майор. Город... то есть то, что от него

осталось, наш. Еще часа два на окончательную зачистку – и все.

– А Западная группировка? Есть данные?

– Так точно. Добивают. Лес горит, но на открытое место никто не выходит, некому, видать. «Воздушку» отзывать?

– Валяй, – Виталий устало взъерошил короткие волосы на голове, усмехнулся: – Ну, вот и все. Не знаю, на что они надеялись, но вышло по-всякому, как мы хотели. Экологию испортили, но на то и война. Ладно, пошли наших певунов искать...

Глава 2

Земля, 2297 год

В затаянном дымом от горящего города монастырском дворе опустился скоростной флаер, откуда, не дожидаясь, пока полностью отъедет вверх боковая дверь, выскочил капитан Ильченко. Несмотря на полученную при разгерметизации челнока баротравму Василий уже вполне оклемался от нее и сам попросился в бой. Отказывать комбат не стал – ветераны такого уровня были на вес золота на любой войне, а уж на этой-то и подавно.

– Товарищ комбат, разрешите? – замерший в паре шагов Ильченко, держа под мышкой снятый тактический шлем, неуверенно переминался с ноги на ногу, с интересом оглядывая стоящих во дворе бойцов штурмгруппы Махнова и вышедших из монастырских подвалов гражданских.

– Давай, – нетерпеливо отмахнулся Виталий, обменявшись быстрым взглядом с особистом. – Докладывай, что там у тебя?

– Наедине бы, тащ майор?

– Говори, – нетерпеливо буркнул Крупенников. – Можно.

– Обидно будет, если уйдут, суки! – неожиданно выпалил

тот, рубанув воздух ладонью.

– Кто?! – искренне не понял комбат. – Кто и куда должен уйти?

– Так эти, – Ильченко дернул головой в сторону неба. – Там ведь их десантный корабль на орбите. Прижучить нам его нечем, как я понимаю, а вот если б захватить... Пленных-то у нас – раз-два и обчелся, стыдно сказать, одни крокодилы. Был, правда, пилот с посадочного челнока, да и тот застрелился, тварь...

– Так, капитан, – майор начал кое-что понимать. – А теперь, вдохни-выдохни, как говорится, и давай подробно, о чем ты?

– Так о корабле ихнем!

– Это я понял. А пленных, значит, нет? – Виталий снова глянул на Харченко. Верно истолковав его взгляд, тот кивнул.

– Нет. Большинство челноков высадили десант... ну, ящериц в смысле, и убрались, штуки три наши сбили. Неповрежденный оказался только один, что-то у него там с движком случилось. Мы хотели захватить, так пилот своего бортехника застрелил – и сам тоже... Вот я и подумал, пока они не оклемались, может, нам на орбиту рвануть? Не крокодилы ж транспортом управляют?

– А почему ты считаешь, что не ящеры? – ничего более умного в голову комбата просто не пришло. Стоящий неподалеку Харченко же лишь криво ухмыльнулся: именно об

этом они как раз недавно говорили. Конечно, не ящеры, с их зачаточным разумом и явно не приспособленными к точным действиям лапами.

– Так видел я их в деле, и там, на Гроте, и сегодня! Какие из них пилоты?! Люди там всем управляют, люди! Вот я и подумал, если мы быстренько кораблик их на abordаж возьмем да экипаж с пристрастием допросим...

– Капитан дело говорит, – неожиданно встрял особист. – Нам и самим, комбат, об этом подумать стоило бы. Ильченко, ты покури пока. Пойдем на два слова... – Сергей подхватил Крупенникова под локоть и потащил в сторону:

– Виталь, все, что он сейчас сказал – минус нам, огромный такой минус, сами должны были догадаться. Ведь поняли уже, кто тут всем руководит!

– Ну, не так, чтобы поняли, – пожал плечами тот. – Ты-то своих, с психоблоками которые, так и не расколол. Думаешь, он прав?

– Да прав, прав однозначно! – горячо зашептал особист. – Сам посуди: город очистили, а пленных нет. Ну, я не ящериц имею в виду, сам понимаешь. А людей пленных – ноль целых, ноль десятых. Короче, пока они не очухались и не поняли, что вторжение провалилось и пора сматывать удочки, предлагаю такой план: грузим в любой трофейный челнок abordажную группу и рвем на орбиту. Захватываем кораблик – и...

– Ты что, книжек про пиратов перечитал? – буркнул Ви-

талий. – «Абордажная группа», понимаешь... А челнок ты где возьмешь?

– Челнок будет, и не один. Ильченко просто всей картины не знает. Есть у нас трофеи, есть, уж поверь мне. А вот пленных действительно нет. Кого наши сгоряча положили, кто сам себя порешил. Не принято у них, похоже, на милость победителя сдаваться. Только решать нужно быстро: если они поймут, что здесь, внизу, все кончено, то попытаются уйти.

– Думаешь, есть шансы?

– А почему нет? – Харченко вытащил сигарету, закурил. – Наши-то леталки они однозначно к себе не подпустят, а вот свои? Ну, типа, кому-то удалось вырваться, СОС, повреждения на борту, срочно разрешите стыковку... и так далее...

– А если нет?

– А если нет, – отрезал Сергей, сверкнув взглядом, – значит, наградим погибших при исполнении героев, вот что! Или тебе впервой разведгруппу за линию фронта отправлять? Мне – нет.

– Ладно, я понял. Кого?

– Инициатива наказуема, – ухмыльнулся особист, делая знак Ильченко: подойди, мол. – Василий, кого с собой возьмешь?

– Значит, разрешаете? – расплылся в улыбке капитан. – Да всех своих и возьму, почти полное отделение выходит. Вы не сомневайтесь, товарищи командиры, справимся! Нам бы только внутрь попасть, а уж там... Да и счета у меня с

ними...

– Слушай боевую задачу, – принял окончательное решение Крупенников. – Вам необходимо пробраться на трофейном челноке на борт вражеского корабля и захватить его, желательно неповрежденным, еще более желательно – с командой. Ящеров в плен не брать, только людей. При невозможности выполнения операции корабль уничтожить.

И, предвосхищая незаданный Ильченко вопрос, ПОЯСНИЛ:

– С собой возьмете боевую часть одной из противометеоритных ракет. Коды активации детонатора получите у товарища майора. Если что, взорвете эту лоханку к известной матери. Вместе с экипажем. Ясно?

– Так точно, – просветлел лицом капитан. – Сделаем в лучшем виде. Разрешите идти?

– Да не спеши ты, капитан, – Виталий кивнул в сторону особиста. – На время проведения операции поступаешь в ведение товарища майора. Так вроде?

– Ага, именно так, – довольно кивнул Харченко. – Пошли, Василий, я тебе еще пару умных слов напоследок скажу. Заодно и челнок тебе и твоим бойцам подберем, есть тут у меня парочка на примете...

* * *

...Вечером того же дня смертельно уставший, несмотря на

гидромассаж и ионный душ, комбат сидел и звякал чайной ложкой по стеклянному стакану. Он так и не полюбил чай в одноразовых пластиковых стаканчиках. Что ж это за чай, который даже и размешивать не нужно?! Профанация одна, а не чай! Эрзац, как у фрицев в сорок втором, никак не иначе. Было дело, пробовал. И трофейный кофе из цикория, и гороховую колбасу и kriegsbrot¹ тот знаменитый!

Рядом сидел майор Харченко. Лаптев, сославшись на дела, заперся в своей комнате, отмазавшись мудреной фразой, что «анализ прошедшего боя, как водится, залог успеха боя будущего». Впрочем, никто и не спорил. Финкельштейн же, как обычно робко, притулился в углу со своим знаменитым планшетом, о содержимом матрицы памяти которого не знал даже вездесущий особист.

А перед Крупенниковым сидели двое.

Отец Евгений, снова сменивший форму на рясу, и...

«Недостойный отца своего блудный сын Михаил» – как представился комбату здоровенный мужик с окладистой бородой, когда добровольцы раскопали завал над входом в монастырский подвал. Раскопали, выворотили покореженные кованые двери и... и оттуда начали выходить люди. Бабы, старики, дети, мужики... Нет. Пожалуй, даже не «люди», а именно – бабы, старики, дети, мужики. В какой-то момент наблюдавшему за ними Крупенникову даже показалось, что

¹ «K r i e g s B r o t» (военный хлеб). Немецкий «эрзац-хлеб». Состав: 55 % ржи, 25 % пшеницы и 20 % картофельного порошка, сахара и жиров.

он вернулся обратно, на Ту Войну, уж больно похожи оказались эти степенные, странные человеки на тех, кого он когда-то освобождал в сорок третьем и в сорок четвертом.

Они совершенно не походили на рафинированных, изнеженных потомков, с которыми им пришлось последнее время общаться. Вообще, если честно, не походили.

Бойцы батальона были удивлены не меньше. Какая-то уверенность светилась в лицах этих людей. Даже заплаканные мордашки детей были... Нет. Не несчастные.

Уверенные.

Вот только в чем?!

Еще больше удивились офицеры, когда вышел вот этот вот «Михаил сын Иванов» и сказал:

– Знатные мечи у вас! Поди, поделитесь?

– А что? Есть способные держать оружие? – в шутку ответил ему тогда комбат.

– Дык все и способные, – спокойно пожал плечами Михаил Иванович. – А как же иначе, а? Ежели Родина в опасности?

Вот и сидели они сейчас на базе. И Михаил Иванович рассказывал...

...Тьма пришла незаметно, никто и не понял, что она пришла. Да и какая ж это Тьма, если принесла она избавление от болезней? Если люди стали жить дольше? Если сытость и благодать опустилась на землю? Какая ж это Тьма? Просто

прогресс. Сходи в клинику, и через час выйдешь добрейшим из ангелов. Тебе и в ум не придет кутенка утопить, не то что человека убить. Да только сможешь ли ты сам себя после этого человеком называть, коли добрым тебя искусственно сделали, научным то есть путем?

Ведь главный дар человеку каков? Свобода – вот главный дар. Без свободы человек в обезьяну превращается или ящером становится. Что стоит добро из-под палки?

Мир в тюрьму превратился.

В добровольную тюрьму. Сытую такую, со всякими-разными развлечениями, житейскими радостями и приятностями. С гарантированным будущим и настоящим.

Кто смог себя тогда пересилить – ушли в скиты да на заимки потаенные. Ждать, когда архангелы придут, мир антихристов разрушить. Да не шли они, те ангелы-то. Поколение сменялось поколением, деда детьми. Три с половиной года тремя с половиной веками обернулись. Да что год в Лице Божиим, когда Ему день, что нам вечность? Но они хранили память о былом. О плохом былом, но – своем. Человеческом, не бесовском. Все меньше становилось их, но каждый год – в день *Исхода* — они собирались на краю Великой Тайги и шли к последней своей Святыне. К монастырю Трифона Преподобного. Здесь была обретена икона Спаса Нерукотворного. Икона, под которой когда-то шло ополчение Христово на Москву православную от шляхты ее спасать. Вот и пришли остатки смешного, чудаковатого воинства Христова

на очередной праздник свой. Тайком пришли. Татями невидимыми по лесам. А когда пришли, демоны из неба вынырнули. Люди Божии заперлись в подвалах древнего монастыря – всем числом двумя тысячами. Готовились к смерти, а вместо смерти ангелы в сияющих доспехах пришли. И сказали ангелы...

– Стоп! – сказал Крупенников. – Дальше я сам знаю.

И переглянулся с особистом. В глазах того читалось... непонятное что-то читалось, вот оно как! Вроде и знал его Крупенников, а вот сейчас ничего прочесть в тех глазах не мог, как ни старался...

Интерлюдия

Научный центр, внеплановое заседание Ученого Совета, Земля, 2297 год

Из окна открывался прелестный вид. Море и скалы. Точнее – океан. И тишина, прерываемая только вздохами волн да тоскливыми криками чаек.

Немногие жители Эйкумены могли насладиться этим видом, ибо попасть сюда было практически невозможно, поскольку на всех картах это место отмечалось как «крайне опасное для жизни». Что эта метка означала? А то, что никакие службы спасения даже не будут пытаться вытаскивать заблудившихся туристов из зоны радиационного заражения – наследия одной из последних техногенных катастроф, случившейся незадолго до Объединения. Поэтому никто и не мог помешать им собираться здесь и обсуждать текущие проблемы. Кому какая разница, что люди пропали здесь вовсе не благодаря мифической радиации, а благодаря... впрочем, об этом ли речь?..

После дежурного отчета начальника Службы собственной безопасности – происшествий нет, электронный периметр работает в обычном режиме – приступили к обсуждению.

– Мое мнение таково: эксперимент необходимо немедленно сворачивать. Цель его достигнута. Мы сумели доказать, что вмешательство в генотип не исключает коррекции поведения через привнесение сторонних стимулов. Каких именно – не суть важно.

– Хм... Достаточно ли доказательств, Фил?

– Достаточно, Бархус! Контрольные эксперименты показали, что человечество утратило способность к агрессивным реакциям.

– Фил! Вы противоречите сами себе.

– Отнюдь, Бархус! Повторю схему эксперимента. Выборка соответствует генеральной популяции. Привнесение внешнего стимула показало, что люди утратили способность к сопротивлению на уровне инстинктов. Однако когда мы добавили социум, способный агрессивно сопротивляться угрозе, выборка поддалась внешнему социуму. В итоге мы получили группу, которая вышла за рамки эксперимента. Мы не можем контролировать ее.

– А что, когда вы планировали эксперимент, такой вариант не предусматривался? – удивился один из сидящих за столом.

– Конечно, предусматривался, Карл. Потому и есть возможность одномоментного устранения инструментов воздействия.

– Это вы про предков? – поднял брови Карл. – Не считаете, что это несколько... гм... жестоко?

– Ваша схема, конечно, привержена гуманизму, однако хотелось бы напомнить, что вы голосовали за эксперимент, даже зная о некоторых вероятных осложнениях. Так?

Карл слегка смутился:

– Я не считал и не считаю этот эксперимент совершенно необходимым. Но, тем не менее, не думаю, что расходный материал так легко можно уничтожить.

– Карл, я прекрасно понимаю логику вашей школы, но вы сами голосовали за его проведение. Посему считаю ваши замечания несколько неуместными. Кстати, Фил, есть какие-то новые данные от Стива?

– Стив и его группа продолжают вести включенное наблюдение. Как вы знаете, по условиям двойного слепого правила, наши добровольцы не имеют полной картины происходящего для минимизирования влияния на течение...

– Фил! – неожиданно рявкнул строгий седобородый мужчина, дотеле прятавшийся в тени. Седобородый стряхнул пепел сигары и встал из глубокого кресла:

– Не надо нам разжевывать прописные истины. Мы не студенты третьего курса.

– Прошу прощения, Зиг, – смущенно поправился Фил. – Увлёкся...

– Мы не на стэнфордских лекциях. И даже не на тавистокских. Продолжайте.

– Спасибо. Так вот, сегодня утром Стив послал очередной отчет. Эти «штрафники» вместе с экспериментальной

группой обнаружили популяцию, которая не прошла генетическое кодирование и модуляцию.

– Что, простите? – не понял Карл.

Фил вздохнул:

– Они нашли религиозных фанатиков, вера которых не позволяет вмешательство в генотип. Тело как храм Божий и прочая религиозная ересь. Мне хотелось бы получить консультацию у культурологов и антропологов, но тогда придется привлечь посторонних людей, а это может вызвать утечку информации.

– Хм... По фанатикам у нас есть свой специалист. Густав! Вы можете охарактеризовать ситуацию?

– Конечно, нет, – развел длинными руками еще один участник научного совещания. – Слишком мало информации. Я даже не знаю, к какой конфессии относятся эти... гм... найденьши.

– Но ведь в истории было что-то подобное? – пыхнул сигарой Зиг и подошел к камину, в котором потрескивали настоящие дрова. Не какая-то примитивная 4Е) – иллюзия, а самые настоящие. Дубовые.

– Отдельные группы маргиналов, как правило, исламского толка. Старокатоликов мы локализовали и размыли еще в прошлом веке.

– А кто в этой, как ее? Старой Вятке? Да, Старой Вятке. Кто там жил до Умиротворения?

– Если не ошибаюсь, большинство – агностики и атеи-

сты, небольшая часть исламистов, совсем немного христиан ортодоксального направления. Но как они могли сохраниться в центре Евразии?!

– В центре Сибири, говорят, до сих пор снежные люди бродят, – хихикнул Бархус.

– До Сибири оттуда далеко. Это окраина Большой Москвы. Правда, после нее экологический заповедник начинается, «Северные Планетарные Легкие». Южные, я напомню, в Амазонии...

– Карл, вы заткнетесь, наконец? По-моему, у вас профессиональная деформация! Нет?

Карл замахал руками перед собой и сел в кресло, словно показывая: молчу, молчу!

В кабинете повисла тишина, пронизанная синим табачным дымом и запахом коньяка.

Зиг медленно зашагал по кабинету. Остальные члены Ученого совета молча следили за ним.

– Власти в курсе произошедшего?

– Наверняка уже в курсе, – ответил Фил.

– Тогда мое предложение будет таково, – медленно сказал Зиг. – Эксперимент пока продолжить. Тем самым мы выявим маргинальные популяции, если таковые будут. Лишний материал для исследований нам не мешает. В то же время приготовить все необходимое для свертывания эксперимента, если будет угроза его окончательного выхода из-под контроля.

– А что с отработанным, материалом? – поинтересовался Густав.

– В корзину, – резко махнул сигарой Зиг. Пепел ссыпался на полу пиджака. Зиг с неудовольствием посмотрел на белые пятна, попытался смахнуть их, но еще больше растер по ткани. Потом добавил, исподлобья посмотрев на гуманиста Карла:

– Голосование необходимо?

– Я – за! – торопливо ответил тот. – Но с включением в протокол заседания моего особого мнения! Эксперимент прекратить немедленно, материал переправить на место постоянного пребывания в соответствующую эпоху!

– К Автарку пойдете лично вы?

– Э-э... Зачем?

– Объясняться по поводу трат энергии! И получать... – он поморщился, закончив с нескрываемым сарказмом, – И получать его драгоценный вердикт,

– А я-то что? Автарком у нас Милтон и Фриц заведуют!
Вот пусть они и...

Карл даже съежился под тяжелым взглядом Зига.

А тот, опять отряхнув пиджак, снова зашагал из угла в угол кабинета.

– Еще особые мнения будут?

Молчание.

– Тогда – единогласно!..

Орбита Земли, 2297 год

Несмотря на то, что в десантном отсеке трофейного челнока находилось восемь бойцов в тяжелом штурмовом снаряжении и несколько герметичных контейнеров, огромный бот был заполнен едва на треть. Видимо, эта угловатая, с мощной внешней броней, машина изначально и разрабатывалась для перевозки объемных грузов... или ящеров. Никаких удобств и противоперегрузочных ложементов внутри не предполагалось, лишь широкие складные лавки вдоль бортов, оснащенные примитивной привязной системой, и все. Груз, буде возникала необходимость его транспортировки, закреплялся прямо к палубе и бортам. По самым скромным прикидкам, сделанным Ильченко при осмотре бота, «этот летающий хлев» мог без труда вместить десять, а то и куда больше крокодилов. Ассоциация с хлевом была, между прочим, вовсе неслучайной: даже несмотря на распахнутые при посадке люки и опущенную аппарель, воняло внутри... сильно, короче, воняло. Да и лавки с полом были покрыты какими-то подозрительными влажными пятнами и слизистыми потеками, что немедленно породило среди разведчиков множество предположений, одно другого скабрее. Забота о жизнях рептилий-десантников во время полета, судя по всему, ограничивалась поддержанием герметичности отсека и не более того: никаких следов систем жизнеобеспечения

или хотя бы отопления не обнаружилось и в помине. Посадочный челнок явно не был приспособлен к длительным перелетам в пространстве, в противном случае его экипаж просто вымерз бы. Зато нашлось объяснение теплым комбинезонам пилотов, поддетым под легкие пространственные скафандры – словно летчики далекого прошлого, они попросту мерзли во время полета. В общем, захваченный летательный аппарат поразил собственной аскетичностью даже видавших виды разведчиков, отнюдь не привыкших к особым удобствам...

Никакого бортового вооружения неведомые конструкторы не предусмотрели, прикрывать боты во время высадки должны были истребители – или их вовсе не предполагалось защищать. Да и зачем, собственно, если ген агрессии у тех, кому отводилась роль жертв, остался в прошлом? А если вдруг и найдется, кому пустить зенитную ракету или выстрелить из плазменной пушки, так ящеров много, этих собьют – другие благополучно приземлятся...

– Размещаемся согласно купленным билетам, товарищи, не толкаемся, уступаем места пожилым людям и беременным женщинам, – балагурил Ильченко, проверяя, надежно ли закреплены привязные ремни у его бойцов. – Перцев, ты куда винтарь пристроил? Совсем сдурел? Если вдруг болтанка в верхних слоях атмосферы начнет, ты ж первый шлемом на свой ствол и насадишься! А мягкости хода я от этого летающего хлева как-то не ожидаю. Это и остальных касает-

ся, мужики. Оружие коленями не зажимать, вертикально не ставить, закрепляйте вон ремнями, так оно всяко надежнее и безопаснее. Махнов, капитан, ты где?

– Тут я, – капитан поднялся на ноги, выглянув из-за контейнера с боеголовкой. – Крепеж проверял. Вроде надежно, а то неохота как-то, чтоб эта дура начала по отсеку кувыряться. Еще рванет с перепугу...

– Рвануть не рванет, – усмехнулся Василий, похлопав себя по армированному карману скафандра, куда положил выданный Харченко пульт управления детонатором ядерного заряда. – Она, в принципе, тихая и ручная, как граната. А вот память нас может – мама не горюй, контейнер-то свинцовый. А то и вовсе борт пробить. Остальные ящики тоже проверил?

– Ага, – кивнул Махнов, занимая свое место и разбираясь с привязной системой.

Во втором контейнере находилось запасное оружие, боеприпасы и запас регенерирующих дыхательных патронов для системы жизнеобеспечения скафандров, а в третьем – баллоны с нервно-паралитическим и усыпляющим газом, которые предполагалось использовать при захвате корабля. Идея принадлежала, как ни странно, Финкельштейну – особист с Крупенниковым поначалу предполагали обычный силовой захват звездолета мобильной штурмовой группой. Яша же подошел к задаче куда более творчески и гуманно, предложив подать в вентиляционную систему корабля снотворный

газ, который, как выяснилось, одинаково действовал и на людей, и на рептилий. Этим обеспечивался и быстрый захват корабля, и «сохранность» пленных, настроенный на самоликвидацию психоблок которых во сне оказался бы беспомощен. К сожалению, газ этот, хоть и действовал мгновенно, оказался чрезвычайно летуч, поэтому уверенности в том, что удастся создать необходимую концентрацию во всех корабельных помещениях, не было. Потому решили обработать снотворным лишь помещения управления и жилые отсеки экипажа, а все остальные – боевым ОВ нервно-парализующего действия, тем более, что при наличии и быстром использовании антидота, WX9 не обязательно приводил к гибели.

Из оружия с собой взяли лишь маломощные безгильзовки G-55 и укороченные десантные электромагнитные винтовки, и то, и другое – с уже отлично зарекомендовавшими себя в борьбе с ящерами тридцатимиллиметровыми подствольными гранатометами. Стрелять же внутри корабля из плазменного оружия не казалось хорошей идеей.

Всего в штурмовую группу вошло восемь десантников под командованием двух капитанов, Махнова и Ильченко: четверо успевших отличиться во время недавней разведки боем на Гроте и Мелиссе разведчиков – Чердыклиев, Перцев, Углов и Броско и двое танкистов, временно оставшихся «без работы», суть – лишенных боевых машин. Пилотировали челнок, разумеется, местные, самолично отобран-

ные Харченко добровольцы, до того служившие в спасательном Флоте и, по мнению особиста, с психологической стороны подготовленные куда лучше большинства летунов-курсантов Добровольческого корпуса. По крайней мере, тайгу они бомбили будь здоров, вроде бы не испытывая при этом никаких особых моральных комплексов и чувства вины...

Наконец, все сборы были завершены, и затянутые привязными ремнями десантники ощутили, как мелко завибрировал дюралевый пол под ногами, отзываясь на включение взлетных двигателей. Погоняв движки на разных режимах, привыкая к незнакомому аппарату (впрочем, по мнению одного из бывших спасателей, челнок был всего лишь конструктивно-упрощенной и более дешевой в производстве копией грузового транспортника «орбита-поверхность» М228, снятого с производства еще полтора столетия назад), пилоты сообщили по внутренней связи, что готовы взлетать.

Оглядев товарищей, Ильченко коротко кивнул:

– Все, мужики, погнали. Удачи нам. Скафы загерметизировать, с этой минуты и до окончания операции шлемы должны быть наглухо закрыты, никакого контакта с атмосферой корабля противника. Проверьте связь, подключитесь к бортовой системе бота. Выполнять!

И первым бросил вниз бронепластовый щиток, активируя автономную систему жизнеобеспечения скафандра.

Вблизи чужой звездолет казался еще более огромным, нежели на снимках со спутников наблюдения и передаваемом камерами внешнего обзора челнока изображении. Почти семисотметровый корпус был напрочь лишен любых понятий о внешнем дизайне – просто исполинский вытянутый восьмигранник, на всех сторонах которого каждые два десятка метров расположены двустворчатые вакуум-шлюзы. Никаких надстроек, лишь кормовую оконечность охватывают три индукционных кольца стартово-финишного контура гиперпространственного двигателя. Навигационные и габаритные огни потушены, корпус отблескивает в отраженном планетой свете металлом внешней брони, испещренным следами метеоритной микрокоррозии. Сплошной голый рационализм, ровным счетом ничего зловещего – просто один из тружеников эпохи человеческой экспансии к Звездам, обычный грузовик, которые сначала возил в дальние колонии оборудование, технику и продовольствие, а затем – десятки тысяч криогенных капсул со спящими колонистами.

Вспомнив кое о чем, Ильченко заерзал на неудобной лавке, вглядываясь в увеличившееся по его мысленному приказу изображение, заполнившее всю внутреннюю поверхность забрала шлема. Странно, но ведь тот парень, спасатель, что доставил в Эйкумену первое сообщение о вторжении яще-

ров и выжившего мальчика, сравнивал транспорты с линкорами?! Нет, размеры и примерное количество десантных средств на борту вполне совпадают, но вот внешне? Неужели опытный астронавт – как там его звали, Смитсон, что ли? – мог перепутать старый транспортник с военным кораблем, да еще и посчитав его кораблем нечеловеческим, чужим?! Бред... Нет, сам он, конечно, ни разу не моряк и не космонавт, но перепутать этот восьмигранный железный «карандаш» с линкором?! С другой стороны, ведь ударили же они с орбиты по Гроту, угробив разом целый город, значит, есть у них и боевые корабли? Может, это их Смитсон и называл теми самыми «линкорами»? Надо будет с особистом и комбатом посоветоваться...

В наушниках щелкнуло:

– Согражданин... – прежде, чем Ильченко успел взъериться, пилот уже сам смущенно поправился:

– Товарищ капитан, докладывает первый пилот, доброволец Иллиас Краг. Наш бортовой компьютер получил запрос основного корабля. Надо полагать, отрабатывает система «свой-чужой». Наши действия? У нас ограниченный доступ к их бортовой, не было времени разбираться.

– А мы что-то можем изменить, Иллиас?

– Никак нет. Ну, разве что попытаться удрать, хотя не похоже, что он вооружен.

– Он-то не вооружен, а вот истребители на борту определенно могут иметься, – буркнул Ильченко. И, вздохнув, от-

дал приказ: – Ничего не предпринимать, следовать прежним курсом. Мы – это они. И все, точка. Легенду помним?

– Так точно, у нас повреждения, разгерметизация. Просим экстренного шлюзования. На борту раненые с других десантных бортов и... э-э... пленные с Земли. Следую прежним курсом.

– Молодец. Вот и следуй... прежним курсом.

Несколько долгих минут царило молчание.

От нечего делать – смотреть на парящую в нескольких километрах железяку надоело – Ильченко прогонял диагностику скафандра. Активнее всего работала система обогрева: температура в отсеке вполне ожидаемо падала. Интересно, на что рассчитывали хозяева ящериц? Они ж вроде холоднокровные, им тепло нужно? Правда, комбат вроде говорил, что у этих чешуйчатых какой-то там ускоренный жизненный цикл, типа метаба... метаболизм усилен искусственно. Типа, живут не слишком долго, зато обладают повышенной стойкостью и выносливостью... где-то так примерно. Блин, голова кругом! Биолог он, что ли? Хорошо, хоть гранаты их берут за милое дело, во время боя в городе сам имел удовольствие убедиться. Так берут, что только кишки во все стороны разлетаются.

Капитан кровожадно ухмыльнулся – и тут же отвлекся от своих мыслей, отвечая на вызов пилотов:

– Товарищ капитан, получено подтверждение. Нам разрешено шлюзование в блоке К10-12. Пойдем по посадочному

лучу.

– Поясни?

– Они сами нас заведут на посадку. Просят перейти на автopilот, передать управление и подготовиться к швартовке. Готовность – пятнадцать минут.

– Это нормально?

– Да, абсолютно. Стандартная процедура. Уровень подготовки пилотов бывает разный, а шлюзование – критическая процедура для корабля-носителя. Наш бот весит почти триста тонн, и при ошибке человека возможно...

– Ладно, я понял. Отбой связи, – Василий переключился на частоту боевой связи, теперь пилот не мог его слышать:

– Мужики, нам разрешили посадку, впрочем, вы и сами слышали. Приготовились. Кому, что и как делать – знаете. Не геройствовать. Наша задача – захватить эту ржавую железяку и как можно больше пленных. Живых. Желательно – спящих. Остальных валите на месте, сейчас не до сантиментов. Тащ капитан?

– У? – отозвался Махнов с такой интонацией, будто проспал всю дорогу с поверхности до вражеского корабля.

– Спим, что ли?

– А что остается? Кораблик у нас хороший, не трясет, не болтает. Хоть выспался, – капитан явно припомнил недавно просмотренный фантастический фильм. Ильченко улыбнулся, пусть даже и знал, что выражения его лица никто не увидит:

– Поднимай своих. А теперь – внимание. Товарищи офицеры, это всех касается, – он вытащил из кармана скафандра пульт управления, отщелкнул в сторону защитную крышку и набрал короткий цифровой код. Коснулся пальцем продолговатой клавиши:

– Только что я установил таймер детонатора нашего сюрприза на три часа. Если мы не справимся за это время, корабль будет уничтожен.

Если справимся – отключим детонатор. Вот код отмены, – Василий повернул прибор экраном к людям.

– Всего четыре цифры, запоминайте. Отключить можно либо с этого пульта, он будет у меня, либо с резервного, – Ильченко пнул металлизированным ботинком бок тяжеленного освинцованного контейнера с боеголовкой. – Просто откиньте крышку и наберите код на панели, она на боковой стенке ящика. Затем нажмите длинную клавишу вниз. Все. Это ясно?

– Так точно, – нестройно ответили разведчики.

– Тогда – время пошло, товарищи офицеры! Вопросы?

– Нет, – за всех ответил Махнов, уже выпроставшийся из ремней привязной системы. – Только один вопрос, командир: бабы на борту есть? А если есть, то нам как, в плен их брать или там употребить?..

Управляемые бортовым компьютером корабля многотонные створки шлюза разошлись в стороны, открывая путь в причальный порт. Челнок скользнул внутрь, опустившись в объятия посадочных демпферов. Где-то там, снаружи, беззвучно закрылись люки, отрезая отшлюзовавшийся бот от космического вакуума; заработали мощные насосы, заполняя пенал бокса воняющим дезинфекцией воздухом. Несколько минут стояла тишина, затем ожила внутренняя связь челнока:

– Товарищ капитан, мы на борту. А... что дальше?

– Дальше вы выпускаете нас, блокируете люки и ждете. Связь на нашей частоте, ожидаете два часа пятьдесят пять минут, если никто не вернется, выгружаете заряд и улетаете. Это все. Никаких дополнительных действий не предпринимать, нас сверх срока не ждать, это приказ. Понятно?

– Так точно, – неуверенно отрапортовал пилот. – А если...

– Никаких «если», просто выполняйте приказ. Давайте, мужики, начинаем, – Ильченко откинул крышку оружейного контейнера, раздавая подчиненным боекомплекты и тубусы одноразовых плазменных энергометов, по-старинке зачастую называемых «гранатометами». Несмотря на принятое раньше решение относительно плазменного оружия, РПЭ все-таки взяли. Как говорится, на самый крайний случай.

– С этими игрушками осторожнее, неизвестно, где тут можно стрелять, а где нет. Чердак, Перец, Броско, танкисты, берите баллоны. Все готовы? Угол, прикрываешь. Вперед. Летуны, открывайте...

Повинуясь приказу пилотов, раскрылась рампа десантного люка, гулко стукнув закраиной о палубу, опустилась ребристая аппарель, по которой, мгновением спустя, простучали восемь пар подошв металлизированных ботинок Штурмовая группа вырвалась на оперативный простор... точнее, «почти вырвалась», поскольку из посадочного пенала еще предстояло выбраться.

По крайней мере, на панельке управления внутренними дверями горел рубиновый огонек блокировки замка.

– Углов, дверь, – скомандовал Ильченко после безуспешной попытки справиться с блокировкой. Открыть дверь изнутри отчего-то не получалось, нажатие клавиши сопровождалось лишь коротким резким зуммером и миганием индикатора. Лейтенант сорвал с плеча один из РПЭ, однако в наушниках раздался голос пилота:

– Товарищ капитан, не нужно. Я вошел в их бортовую сеть, у них даже нет паролей ограничения доступа...

– Короче, Иллиас, – рявкнул капитан, едва ли не физически ощущая, как утекает каплями-секундами драгоценное время.

– Открываю дверь, – лаконично ответил пилот.

Настенная панель мигнула зеленым разрешающим огонь-

ком, и ведущие в коридор внутренние двери и на самом деле с легким скрежетом убрались в переборку. Ильченко мимолетом ухмыльнулся: корабль и в самом деле был старым. Наверняка, и взаправду из первых дальних грузовиков эры Первой Экспансии.

Уходящий вдаль коридор, судя по всему, пронизывающий весь корабль от носа до кормы, оказался погружен в полутьму: аварийное освещение на борту безымянного транспорта было понятием чисто символическим. Тусклая люминесцентная панель под потолком горела каждые метров двадцать, не чаще. С другой стороны, оно и понятно: полуразумным ящерам свет вроде как и ни к чему, а люди в этих отсеках вряд ли частые гости. Капитан мельком подумал, что если это так, то возможно, им повезет и в другом – и в этом коридоре не окажется никаких следящих систем. Ох, неплохо бы! Кстати...

– Иллиас? – вызвал Ильченко пилота.

– Слушаю.

– Сможешь найти схему этой лоханки? Меня интересует система вентиляции, точнее – воздухообеспечения обитаемых отсеков. Э... человеческих отсеков, в смысле.

– Сейчас, товарищ капитан. Постараюсь найти.

– Уж, постарайся, Иллиас, постарайся. Если сделаешь, я на тебя, честное слово, по возвращении сразу предписание на звездочку комбату накатаю! – горячо шепнул Василий, только сейчас осознав, какую сложную задачу они на себя

взяли. Как найти на борту семисотметрового корабля выход в систему подачи воздуха? Выпустить газ, которого не так уж и много, в первую попавшуюся вентиляционную отдушину? Очень смешно... А с другой стороны, откуда у них было время найти и изучить схему корабля? Вся эта операция – сплошной и стопроцентный экспромт...

– Есть, товарищ капитан! – голос пилота звенел от гордости. – Нашел! Сбрасываю вам, принимайте. Да, кстати, экипаж корабля всего три десятка человек, точнее – тридцать два человека. Все, пошла передача.

– Принимаю, – горло Ильченко сжало неожиданным спазмом. Молодец, парень, ох, молодец!..

И все-таки сработать совсем по-тихому не удалось. Уже когда они разобрались с системой вентиляции, определив, какие нагнетательные воздуховоды ведут в обитаемые помещения, а какие – в трюмы и технические отсеки, и подготовили баллоны, собираясь подать снотворный газ в магистраль, ведущую в занимаемые экипажем жилые блоки и отсеки управления, под потолком замигали тусклые от многолетней пыли оранжевые лампы. Тишину древнего корабля разорвал скрипучий ревун тревожной сигнализации.

– Чердак, разобрался с трубами? Да? Тогда давай, подключайся!

– А если не туда пойдет, тащ капитан? – Чердыклиев отложил дрель, с помощью которой проделывал отверстия под ввинчивающиеся штуцеры, вкрутил последний из них и на-

бросил переходник Затянул уплотнительную манжету и замер, держа ладонь на вентиле первого по счету баллона.

– А пофиг, куда-то же пойдет? Все, давай!

– Даю, – младлей скрутил вентиль, глядя на индикатор расхода газа. – Пять... три... ноль... Коля, Броско, готовы следующий!

Безумный, откровенно говоря, план, как ни странно, удался. Опустел последний баллон со снотворным, и десантники подали в систему воздухообеспечения транспорта нервно-паралитический состав, переключившись с обитаемых помещений на технические, где, как им казалось, могли размещаться оставшиеся на борту ящеры. Возможно, так и было, возможно – нет, но выбирать не приходилось. WX9 был достаточно стойким газом, способным циркулировать в замкнутой системе вентиляции почти час, кроме того, он в меньшей степени воздействовал на организм, уже находящийся под воздействием снотворного средства, так что шансы захватить и спасти кого-то из команды, ненароком ханувшего «девятки», у них оставались.

– Все, – констатировал Чердыклиев, отбрасывая последний баллон, черный с двумя желтыми кольцами и знаком химической опасности. – Пусто.

Капитан мельком взглянул на ведущий обратный отсчет таймер – на все про все меньше двадцати минут. Нормально.

Сверившись с переданной пилотом схемой транспортника, Василий махнул рукой:

– Вперед, мужики, работаем. У нас два часа сорок минут. Или сто шестьдесят минут, если кому хочется. Повторяю боевую задачу: основная цель – ходовая рубка, информационный центр и реакторный отсек, цель номер два – жилые помещения и кают-компания, благо они расположены в одном блоке. Трюмы и посадочные палубы пока не трогаем, если там и есть крокодилы, с ними позже разберемся... если успеем. Готовы?

Десантники нестройно прогудели, подтверждая готовность.

– Тогда вперед и с песней. Последнее, впрочем, не обязательно, – не дожидаясь ответа, Василий первым рванул по коридору, расцвеченному судорожными оранжевыми бликами. Внешние микрофоны скафандра послушно транслировали внутрь боевой скорлупы скрип тревожного ревуна. Поморщившись, капитан вызвал Иллиаса:

– Летун, можешь вырубить сирену? Достала уже эта музыка...

– Попытаюсь, – немедленно отозвался Краг, как и было оговорено, не уходящий с их волны. – Нет, не могу, извините, товарищ капитан.

– Ну и ладно. Отключайся, – Ильченко вскинул винтовку и затопал по коридору.

Глава 3

Орбита Земли, 2297 год

Первый контакт с противником произошел буквально через минуту. Распахнулась ведущая во внутренние помещения корабля дверь, и в коридор в прямом смысле слова выпал задыхающийся человек в грязно-зеленом рабочем комбинезоне. Упав на колени, он поднял голову, скользнув по окружившим его десантникам невидящим взглядом, захрипел и завалился на бок. Руки судорожно шарили по груди, будто стараясь разодрать сведенными судорогой пальцами плотную ткань, изо рта вырывалось сиплое дыхание, в углах рта пузырилась розоватая пена. Движения человека с каждой секундой становились все более медленными, лишь подрагивали кончики пальцев. Махнов, оказавшийся к нему ближе всего, перевернул умирающего на спину, взглянул в широко раскрытые глаза с крошечными точками сузившихся зрачков, и буркнул:

– Готов. Надышался нашего подарка.

– Может, антидот? – неуверенно предложил кто-то из десантников, но капитан даже не повернул головы:

– Поздно, это уже конец. Чердак, Угол, гляньте, что там.

Офицеры, прикрывая друг друга, скрылись в дверном проеме, остальные растянулись вдоль стены, контролируя оба конца бесконечного коридора.

Выглянувший из дверного проема Чердыклиев призывно махнул рукой:

– Пошли, тут есть проход к подъемникам и трапам, все равно нам на следующий ярус подниматься, какая разница, где? Так, тащ капитан?

Ильченко, поразмыслив секунду, кивнул. Жилые помещения и посты управления располагались палубой выше, так что лейтенант был прав. Подъемниками пользоваться не стали, побоявшись оказаться в ловушке, если вдруг отключится питание, и рванули вверх по трапам, хоть это оказалось и достаточно нетривиальной задачей для облаченного в боевую броню человека. Спасибо проектировщикам, что трапы оказались обычными по сути своей лестницами в два недлинных пролета, разве что излишне узкими, а не вертикальными, как на боевых кораблях или подлодках прошлого. Подниматься, после короткого совета, решили двумя группами – с тем расчетом, чтобы одновременно захватить и мостик, и расположенный неподалеку жилой блок, где вполне могли находиться свободные от вахт и регламентных судовых работ члены экипажа. Первую группу возглавил сам Ильченко, вторую – капитан Махнов.

Металлические ступени с порядком вытершимся от времени нескользящим покрытием негромко гудели под реб-

ристыми подошвами десантных ботинок Впрочем, особенно таиться смысла не было: об их появлении по-любому знают, кто-то же поднял тревогу, а если газ сработал нормально («похоже, кое-где даже слишком нормально», – мрачно подумал Василий, припомнив погибшего астронавта), то сопротивления ожидать не приходится.

Подниматься было тесно, поскольку идти приходилось парами, прикрывая друг друга, и Ильченко неожиданно порадовался решению взять компактные безгильзовки и десантные ЭМ-автоматы вместо штатного оружия, с которым тут и вовсе было бы не развернуться.

На жилом ярусе оказалось заметно светлее и, что особенно радовало, не досаждало мельтешение тревожных ламп под потолком. В очередной раз сориентировавшись, капитан уверенно повернул направо, к рубке. Возле наполовину разъехавшихся в стороны да отчего-то так и застывших створок сидел, прислонившись к стене, еще один местный, видимо часовой или вахтенный матрос, с не слишком понятной целью – оружия у него не было – выставленный у входа в рубку. Указав Перцеву на двери – мол, контролируй! – капитан наклонился, осторожно приподнимая рукой в боевой перчатке свесившуюся на грудь короткостриженую голову. Вгляделся в совсем молодое безусое лицо и облегченно вздохнул: человек просто спал, оршая комбез ниточкой тянувшейся с губы слюны. Похоже, получилось у них, ура!

– Давай, – шепотом, словно противник мог услышать

их переговоры сквозь броню вглухую загерметизированного скафандра, скомандовал Василий, берясь за край створки и рывком распахивая ее на всю ширину. Перцев скользнул внутрь, заученно ушел в сторону, открывая проход идущим следом товарищам. Капитан, оглядев пустынный коридор за спиной, зашел последним.

– Сонное царство, – с трудом сдерживая улыбку, прокомментировал он увиденную картину. Дежурная смена в полном составе дрыхла там, где их застала первая порция попавшего в легкие газа. Рука одного из офицеров лежала на пульте управления перед свернувшимся в режим ожидания голоэкраном, а пальцы все еще касались кнопки аварийной сигнализации под откинутым в сторону прозрачным колпаком. Ага, вот кто такой шустрый и кому они обязаны надоевшей хуже горькой редьки цветомузыкой. Помучавшись несколько секунд, капитан нашел, как отключить тревогу, проделав это с нескрываемым облегчением.

– Ну, что, мужики, поздравляю, пока все идет, как ни странно, по плану. Наручники у кого? Давайте, пакуйте ребятшек, хрен их знает, сколько они на самом деле спать будут. Махнов, капитан, что там у вас?

– Нормалек у нас тут! – отозвался товарищ. – Тоже сонное царство в количестве пятнадцати штук. Живые все, облевались только.

– «Девяткой» вдогонку надышались? Антидот вколол?

– Да какая на хрен «девятка», какой им в рот антидот! –

хохотнул Махнов. – У них тут дружеское застолье происходило, с плавным переходом в омерзительную попойку, – в голосе капитана сквозила нескрываемая зависть. – Помнишь, нас предупреждали, что снотворный газ несовместим с алкоголем? Не обманул дохтур, таки да, несовместим. Хорошо, хоть запах в шкафе не чувствуется, могу себе представить, что тут творится...

– Витька, давай оставь двоих с пленными, пусть вяжут, а сам – бегом в машинное... тьфу, ну, то есть в реакторный, – прервал товарища Ильченко. – А мы с инфоцентром и штурманской закончим. И не расслабляйся! То, что наш подарок попал, куда нужно, это, конечно, хорошо и даже замечательно, но кораблик-то большой, а у нас пока, – Василий пересчитал «своих» пленных, приплюсовал махновских, спящего вахтенного у дверей и мертвеца внизу, вычел из общего числа членов команды. – А у нас пока еще десять героев космоса где-то бродят.

– А я и не расслабляюсь, капитан, – став серьезным, ответил товарищ. – Меня с сорок второго расслабляться отучали. А учителя были знатные, только по-русски плохо говорили и все время меня убить хотели. Ладно, капитан, пошли мы. Как со своими управитесь, тащите их сюда, тут места побольше, есть, где складировать. Кстати, Василь, а вот ты б на их месте, что бы стал делать? Ну, если б узнал, что на борт чужой десант высадился?

Ильченко ненадолго задумался, хмыкнул:

– А хрен его знает... если б смелым был, нацепил какую-нибудь дыхательную маску или облегченный скафандр – наверняка же у них тут спецсредства на случай разгерметизации имеются – и побежал вооружаться. А вот если б сдрейфил, тогда спрятался где-нибудь, места вокруг много, да и корабль они получше нас знают. А ты вообще к чему это?

– Да к тому, что искать их тут можно аж до бесконечности, вот к чему! А нас всего десять человек, минус те, кто с пленными останется. Жестянку эту по-хорошему нужно минимум ротой обыскивать, да и то не один час уйдет, пока все закоулки прочешишь.

– И что предлагаешь? – нетерпеливо спросил капитан, сверяясь с таймером: время пока оставалось, но и не так, чтобы много.

– А я знаю? Ты комгруппы, тебе и думать. Хотя я б в их компьютере поковырялся, вдруг там есть система слежения за биологическими объектами на борту? Ну, или как там она на флоте называется?

– Молодец, Витюх, башка у тебя варит! – похвалил Ильченко. – Ладно, дуй со своими в реакторный, а я сейчас... Краг, летун, ты на связи?

– Так точно, товарищ капитан.

– Слушай, ты можешь через их бортовую сеть выяснить расположение членов экипажа?

– Минутку...

– Да хоть три, – буркнул капитан, жестом поднимая бой-

цов. – Перцев, останешься с пленными. Давайте, мужики, время!

Иллиас управился за две минуты, как машинально отметил педантичный Василий:

– Не могу, товарищ капитан, это грузовой корабль, да еще и старый. Подобные суда просто не оснащались системой биолокации. Это ж все-таки не пассажирский лайнер...

– Жаль... ну, добро.

– Вот еще, товарищ капитан. На борту двести швартовочных пеналов, но пусты из них только сто сорок пять. Один занят нашим ботом.

– И что? – искренне не понял Ильченко.

– Так в них – готовые к вылету челноки! Пятьдесят четыре штуки. Судя по информации борткомпьютера, полностью заправленные и готовые к вылету.

– С ящерами?! – ахнул Василий.

– Этого я точно не могу сказать, но, скорее всего, да. В базе данных есть запись о погрузке на борт десанта. Ну, в смысле, ящеров. Возможно, резерв или вторая волна высадки.

– Ох, ничего себе! Это что ж, восемь сотен крокодилов на нашу голову с прочей задницей?! – выругался Ильченко, наскоро прикинув, сколько вражеских десантников можно напихать в полсотни челноков. – Млять! Ну, обрадовал ты меня, Илюша... – на свой манер переименовав имя пилота, вовсе уж убитым голосом закончил он.

– Простите, товарищ кап. . .

– Да нет, наоборот – спасибо за предупреждение. Будем иметь в виду, хотя что мы им сделаем? Разве что рванем вместе с этим корытом. . . кстати, да, это вариант. Гм, слушай, как считаешь, отчего они наружу-то не повылазили?

– Не знаю, товарищ капитан. Может, приказа не было, или они просто не могут разблокировать двери со своей стороны? Не знаю. . .

– Добро, оставайся на связи, – Ильченко переключил канал. – Все всё слышали? Повнимательней там, приглядывайте, чтобы крокодилы в спину нам не вжарили. Если вдруг что, берем пленных, сколько уволочем, и отходим к челноку. Грузимся, оставляем заряд с таймером минут на пять, и шпарим на базу. Жаль, конечно, кораблика, но что поделаешь. Против восьмисот ящериц нам даже рыпаться не стоит. . .

– Командир, а ты в полете не мерз? – неожиданно раздался в наушниках голос Махнова. Кто-то из десантников, не сдержавшись, хихикнул.

– Ты о чем?

– О дезинфекции. Помнишь, как мы зимой вошек на фронте вымораживали?

– Витя, у тебя там все в порядке? – недоуменно осведомился капитан. – Что несешь-то? Никакой гадостью не надыхался часом?

– А то несу, что пускай наш летун внешние шлюзы открывает да сбросит все боты за борт. Если даже там есть

ящеры, то уж пилотов-то наверняка нет. Или померзнут рано или поздно, или в атмосфере сгорят. Правда, тогда уж прожарка получится, – Виталий ухмыльнулся, довольный проведенной аналогией. – Но все одно – дезинфекция...

– А не сможет, так пусть просто трюмы открытыми оставит – в этом случае крокодилам все равно никуда дороги не будет, система безопасности внутренние двери открыть не даст. А запас воздуха у бота, насколько я понимаю, совсем даже не бесконечный...

– Ох... – только и смог сказать Ильченко. – Ну, ты даешь, капитан! Профессор прямо!

– Ага, я такой. Кстати, в реакторном отсеке пусто, только два жмурика из дежурной смены, «девятки» наглотались. Не знаю, что мы там намудрили, но анализатор скафа до сих пор летальную концентрацию показывает. Сам реактор в дежурном режиме, автоматика в порядке.

– Командир, – вклинился в разговор Чердыклиев, – мы на месте.

Ильченко кивнул – десантники добрались до дверей командно-информационного центра и волею неведомых конструкторов расположенного через переборку штурманского поста. Двери в последний оказались распахнуты, а внутри ярко освещенного небольшого помещения было пусто, если не считать спящего возле самого комингса человека в уже знакомой грязно-зеленой униформе. Видимо, почувствовав неладное или услышав что-то по внутренней связи, он еще

нашел в себе силы распахнуть дверь в коридор, но выйти уже не успел. Возле руки спящего валялся пистолет, на поясе топорщилась расстегнутым клапаном пустая кобура. Наклонившись, капитан подобрал оружие – девятимиллиметровый двадцатизарядный «штайр АG» двухсотлетней давности. Раритет, можно сказать. Между прочим, первое боевое оружие, обнаруженное ими на судне. Интересно, это что-то значит?

Мельком осмотрев штурманский пост – два переведенных в сидячее положение противоперегрузочных ложементов, подковообразный пульт с висящими над ним потухшими голоэкранами, трехмерная электронная карта обстановки на дальней стене, – Ильченко отмахнул в сторону КИЦа, ощутив короткий предупреждающий укол в груди.

«Да неужели?» – успел подумать Василий, делая знак «Внимание, замереть», однако отреагировать подчиненные уже не успевали. Створки бесшумно убрались в переборку, и в упор ударили желтые фонтанчики выстрелов. Стреляли из чего-то огнестрельного и автоматического, что, впрочем, ничуть не умаляло опасности. Одна из пуль досталась и Василию, ощутившему увесистый болезненный тумак в нагрудную бронепластину. Рядом кто-то сдавленно охнул и вымастерился, но все отметки на забрале командирского шлема остались оптимистично-зелеными: герметичность скаффандра не пострадала, значит, без пробития. Разве что кровоподтек останется или, что маловероятно, трещина в ребре.

Ответив несколькими неприцельными очередями, десантники отступили за поворот.

– Ну, хоть не зря дуры с собой тащили, – прокомментировал короткий бой Перцев. – А то стыдно перед мужиками в батальоне было б – боевая операция, а мы ни разу не стрельнули.

– За коридором следи, – буркнул Ильченко, размышляя.

– Чего там у вас? Пострелушки? – голос Махнова был взволнован. – Помощь нужна?

– Сами справимся, не мешай. Значит так, похоже, их оружие нам не особо опасно, так что затягивать не станем. Чердак, Перец, прикрываете, а мы с танкистом...

– Тащ капитан, – наплевав на субординацию, прервал командира Чердыклиев. – А зачем рисковать? Если бронебойным в щиток с пары метров зафигнячат, мало точно не покажется. Давайте им гранатами прикурить дадим, я заброшу с первого раза, обещаю, вы меня только прикройте. Или так, а? – он продемонстрировал уже разложенный в боевое положение тубус РПЭ.

– Давай гранатами, – согласился Василий. В конце концов, если так подумать, корабль они чисто захватили, а вот ящеры, очень может быть, сидят сейчас в ботах и уверенности в будущем как-то не добавляют. А потому, некогда им время терять...

– Ага, – обрадовался разведчик, выщелкивая из встроенного в пояс боевого костюма подсумка две штурмовые грана-

ты. Сбросив защитные колпачки, боец вдавил в корпус инициирующие детонатор кнопки и, не отпуская пальцев, кивнул Перцеву:

– Готов?

– Как пионер, – отозвался тот, вскидывая к плечу винтовку. – На счет три. Раз, два...

Высунувшись за угол, он открыл огонь, щедро расходуя магазин. Аудиофильтры боевых скафандров автоматически приглушили грохот безгильзовой винтовки, и выстрелы казались негромкими хлопками, сопровождаемыми пляшущим вокруг щелястого компенсатора желтоватым огненным султанчиком.

– Три! – сам себе скомандовал лейтенант, перекатом вываливаясь в коридор и одну за другой отправляя к цели обе гранаты.

Сдвоенно грохнуло, вдоль коридора прошла горячая упругая волна, усеивая палубу обломками пластика, дымящимися обрывками бумаги и битым стеклом. Сизый дым выплеснул под подолок, растянулся медленно всасывающимся в вентиляционные решетки облаком. И неожиданно наступила тишина.

В которой гораздо более громко, нежели давешние выстрелы, прозвучал елейный голос Ильченко:

– Чердак, а ты какие гранаты использовал, братишка?

– Дык штурмовые, тащ капитан, какие ж еще?!

– Ну и дурак...

Оставив последнее высказывание без комментариев, Василий поднялся на ноги и обреченно махнул рукой:

– Ладно, пошли, поглядим. Вообще-то, на будущее, КИЦ – это собственно и есть *бортовой компьютер*. И если ты его только что отправил к его компьютерным праотцам...

– Так вы ж сами разрешили, тащ капитан?!

– Значит, и я тоже дурак... – самокритично подытожил Василий, мысленно тяжело вздохнув. В мозгу билась какая-то не оформившаяся пока, но определенно нехорошая мысль. Или предчувствие, что скорее.

– Вперед, мужики. Пошли, гранатометчики...!

Информационный центр, суть – обиталище корабельного бортового компьютера, после короткой атаки являл собой жалкое зрелище. Первое, что пришло на ум Ильченко при взгляде на разрушенный зал, перенесший взрыв двух штурмгранат – «мешанина». Сверху еще стелился, постепенно иссякая, мутный туман инертного газа системы экстренного пожаротушения, но тушить уже было нечего. Пол устилало множество обломков, валялись покореженные взрывом кресла, сорванные со стен раскуроченные электронные панели. А еще имелись трупы, в разной степени сохранности и в количестве недостающих восьми. Впрочем, один был еще жив – «ненадолго», как констатировал мельком осмотревший раненого Перцев, облегчивший страдания обреченного одиночным выстрелом.

Оружие – три почти в точности таких же, как у десантни-

ков, безгильзовки, разве что без подствольников, – ударная волна разбросала по углам помещения. Кто именно стрелял, определить было невозможно да, в общем-то, уже и неважно.

– Красиво, – мрачно буркнул капитан Ильченко. – Просто офигеть. Не было печали, называется... Ладно, посмотритесь тут, может, чего и найдете...

Выйдя в коридор, он припомнил разговор с Махновым и вызвал Крага:

– Иллиас, слушай, ты сможешь открыть внешние шлюзы и стартовать все боты, кроме нашего?

– Простите, не понял, что сделать? – отозвался пилот.

– Ну, сбросить за борт все челноки? Просто сбросить – и всё?

– А... зачем? – не понял Краг.

– Затем, что с восемью сотнями ящеров нам немножечко не справиться, вот зачем, – начал потихоньку свирепеть капитан, тем не менее, прекрасно понимая, что пилот ни в чем не виноват. Просто та самая, *неоформившаяся* мысль зудела и зудела в мозгу, упрямо не давая покоя. Что-то он определенно упустил, но вот что?!

– Могу. Минутку.

– Ага, давай.

Капитану Ильченко ужасно хотелось курить. А еще больше – вмазать залпом граммов полтораста неразбавленного спиртяги и придавить подушку минут на шестьсот.

– Не могу, товарищ капитан. Ошибку выдает...

– Что?

– Нарушена связь с бортовым компьютером. Такое ощущение, что он вовсе перестал существовать. Даже тестовый сигнал не проходит...

– Так, я понял. Готовься к взлету.

– Что?!

– Взлетаем скоро, говорю, млять! Отбой пока.

Ильченко прислонился бронированным лбом к стене коридора и, полностью отключив связь, витиевато выматерился. Вот какая ему мысль покоя не давала: они же только что ухайдохали на-хрен бортовой компьютер! Весь! Местные-то знали, где собраться; надеялись, видно, что штурмовать КИЦ ни один здравомыслящий захватчик не станет, ведь бортовой комп – это, по сути, и есть сам корабль! Уничтожь его – и корабль превратится в многотысячетонную груду металлолома! С пошедшим вразнос реактором, между прочим! А они, мудаки долбанные, именно это только что и ухитрились сделать! Да ведь их скафы на раз любую б пулю выдержали! Так нет, комгруппы хренов, послушал подчиненного, согласился... Идиот. И-ди-от. И кто теперь виноват – Чердыклиев? А вот хренушки, он сам и виноват, поскольку командир. Интересно, что теперь с ним Крупенников сделает? А Харченко? Впрочем, не хрен сопли лить, коль виноват – значит, ответит. А сейчас? Людей нужно выводить, и своих, и пленных. Остальное – потом...

– Мужики, все вопросы после. Уходим. Этого не забудь-

те, – он кивнул на по-прежнему спящего у входа в штурманскую рубку человека, разбудить которого не смог даже грохот двух взрывов.

– В рубку или в кают-компанию?

– На Землю...! Берем пленных, грузимся в бот и валим на Землю. Без вопросов. Все понятно?

– Так точно, – ошарашенно отрапортовал Чердыклиев, поспешив убраться с глаз командира: понять – может, и не понял еще, но что-то почувствовал.

– Командир, ты чего? – врезался в переговоры голос капитана Махнова. – Случилось чего?

– Потом, Виталик. Хватай языков, и бегом вниз. Времени в обрез. Улетаем.

– По-онял, – протянул капитан, отключаясь.

Спустя полчаса все пленные, по-прежнему пребывающие в счастливом неведении происходящего, были погружены в челнок Контейнер с боеголовкой так же переменял местоположение, будучи выгружен в трюм, и сейчас Ильченко переустанавливал таймер на пять минут. Десять килотонн равнодушной ко всему живому радиоактивной смерти, упакованных под многослойную оболочку-обтекатель, послушно ждали своего часа.

Ждать оставалось недолго.

– Стартуем, – капитан уже почти привычно вжался в жесткую ребристую лавку – впрочем, для облаченного в жесткий боевой скафандр человека это не имело особого значения.

– Нуль в отсеке, – бубнил себе под нос Иллиас. – Расстыковка. Подтверждено. Створ свободен. Подтверждено. Отделение...

Крохотная, по космическим меркам, скорлупка в триста тонн весом, сотворенная человеческим разумом, пусть иногда и злым, стремительно падала к границе земной атмосферы. Начались ионизация корпуса и болтанка, но капитана Ильченко это волновало постольку-поскольку.

Он молча глядел на рубиновые цифры обратного отсчета: 5... 4... 3... 2... 1... 0...

Полыхнуло. Беззвучно, конечно. Грохот космических взрывов, как известно, прерогатива фантастических фильмов древности. Да и что такое десятикилотонный взрыв в масштабах даже не Вселенной, а отдельно взятой Солнечной системы? Так, новогодняя шутиха на фоне взрыва боевой гранаты...

Ну, бабахнуло, ну, подумаешь...

– Большой Брат вызывает Илью. Повторяю...

– Товарищу капитану, так то вас! – Коля Броско старательно прятал взгляд. – Товарищу комбат на зв'язку...

– Слушаю, – по-военному четко ответил капитан, сглотив вязкий комок

– Молодец, капитан, – прерываемый атмосферными помехами и остаточными явлениями электромагнитного возмущения голос комбата дрожал. – Отлично сработал.

Он что, издевается?

– Товарищ майор, я должен...

– Должен – доложишь, – ухмыльнулся Крупенников. – Ждем. А фейерверк вы знатный устроили, мы наблюдали. Нессы, капитан, *поговорим*.

И командир особого штурмового офицерского батальона Виталий Крупенников разорвал связь...

Земля, 2297 год

В клубе было как никогда шумно. С висящим космами под потолком сизым табачным дымом не могла справиться даже вентиляция XXIII века. А еще в помещении офицерского клуба откровенно пахло алкоголем. Нет, сухой закон, введенный командованием еще «до войны» (именно так – неофициально, конечно, – стала именоваться дата вторжения ящеров на Землю) отменен не был, в него просто внесли некоторые поправки. В конце концов, наркомовские сто граммов ведь никто не отменял? Вот именно. А сейчас, как ни крути, офицеры штурмбата праздновали свою первую реальную победу. Пока – с маленькой буквы, но ведь, как говорится, лиха беда начало... Вятку отбили? Отбили (то, что на месте города сейчас в основном все еще дымящиеся руины, в расчет не бралось, Сталинград все помнили очень хорошо, да и о Дрездене сорок пятого года офицеры уже узнали).

Корабль со второй волной высадки уничтожили? Еще как уничтожили, вон какое сияние в верхних слоях атмосферы

наблюдалось, куда там северному! И, значит, что? Значит, можно расслабиться... в разрешенных командованием рамках, нормах и граммах, разумеется. А то ведь можно ненароком и обратно в штрафники загреметь, Харченко на это очень даже недвусмысленно намекал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.